

"Зарисованное лето (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Глава 1

Зарисовка «О населенных пунктах»

Иногда кто-то в сети спрашивает: «Ты откуда?». И меня этот вопрос приводит в ступор. «Новая Засопка - поселок городского типа, население - двадцать тысяч человек, отраслевая специализация отсутствует», - отвечу я и получу в ответ что-то типа: «А, ясно».

Если же назвать областной центр, тогда... ответ будет такой же. Потому что всем насрать, где ты живешь, если это не Москва, Питер или город, в котором обитает сам твой собеседник. А интернет - это место общего сбора, где все мы, такие разные, можем встретиться и даже всерьез интересоваться друг другом. До тех пор, пока не прозвучит вопрос: «Ты откуда?». Сам для себя я ответил давно - из населенного пункта. Это название как будто уравнивает всех, лишает особенностей, обусловленных только локализацией. Потому что место не имеет значения. Потому что каждый из нас - из населенного пункта.

- Никит! - мать всегда зовет через несколько комнат так, что ее можно расслышать и за десять километров.

Закрыв тетрадь и поплелся на кухню. Тетрадь и не думала прятаться, оставаясь на своем обычном месте - на столе, справа от компьютера. У этих двоих была неизменная территориальная привязка, как населенный пункт. А весь остальной хлам имел право хаотично перемещаться по комнате. Я никогда не беспокоился, что кто-то откроет тетрадь и прочитает зарисовки. Родители уважали мое личное пространство: никогда не обыскивали карманы, не лезли в телефон и, конечно, не заглядывали в записи. Я даже не уверен, знают ли они вообще о существовании этой тетради. На вопрос: «Что ты там постоянно пишешь?» - я отвечал неизменное: «Зарисовки». И матери этого было достаточно. Хотя иногда, очень редко, я осознанно хотел, чтобы кто-то влез туда, без разрешения, заглянул бы... в меня. А я бы кричал и скандалил, немного радуясь, что внутри меня кто-то побывал.

- Что, мам? - я уселся за кухонный стол и протянул руку к блину, который она только что сняла со сковородки.

И даже удивился, не получив ожидаемого хлопка по руке. Мать свято почитала единственную традицию - сначала она печет все блины, а уже потом мы вместе садимся пить чай. Вдвоем, если отца нет дома. Но вместо привычного выговора она сказала:

- Сбегай к бабе Дусе. Она яиц просила. И пару блинов ей захвати.

Я быстро доедал свой, пока мама переключивалась яйца из холодильника в пакет. Баба Дуся уже очень стара. Живет одна, и в последнее время, когда здоровье начало подводить, я или мать заходили к ней каждый день, помогали чем могли в доме и огороде, в магазин там сбежать или аптеку. Это не было благородством или какой-то формой показательного великодушия, нет. Просто так мы жили. Так повелось, и теперь уже никто не задумывался о причинах и следствиях. Ее внучка училась с моим старшим братом в школе, они даже встречались. Потом сын бабы Дуси со всей семьей переехал в столицу. Раньше она иногда ездила к ним в гости, а потом чаще они навещали ее и даже пытались насильно перевезти упрямыцу

в Москву. Но баба Дуся, подобно египетской пирамиде, перемещаться в пространстве не желала. Я ее понимал. Тем более, что от одиночества она тут не особо страдала.

- Баб Дуся, – я, как обычно, зашел к соседке без стука, а та, заслышав скрип двери, уже спешила ко мне из спальни.

- Заходи, заходи, дорогой мой, чай будешь? Сейчас уже пирожки достану из духовки, - она без ненужных благодарностей, как само собой разумеющееся, приняла пакет от мамы и подтолкнула меня к столу, заставляя усесться. Теперь обратно я понесу пирожки - эти передачи продуктов питания туда-сюда были настолько обычными, что не требовали дополнительных пояснений.

- А чего звали-то? Сами бы за яйцами зашли, - я развалился на стуле и вытянул ноги. Без сытного чаепития меня из заложников не выпустят.

- Так внук же мой приезжает. Я говорила тебе позавчера!

И не только позавчера, если уж на то пошло.

- Ну да. И что? - может, она генеральную уборку затеять решила? У меня выходной, и не сильно хочется погрязнуть тут в мытье окон на целый день.

Ее внука, по версии самой бабы Дуси, звали Сашенька-миленький-мой-роднучка-такой-вымахал-хочешь-фотографии-покажу. И он в наш поселок за двенадцать лет ни разу не приезжал. Сын с женой бывали каждое лето, Танюха, их старшая дочь, тоже иногда навещала бабушку. А вот Сашенька-милый-и-так-далее то учился, то экзамены сдавал, то просто находил другие дела. Я его помнил, но довольно смутно. Они переехали-то, когда мне было лет семь, а он вроде бы года на три-четыре постарше, так что мы и друзьями никогда не были. Так, здоровались по-соседски и все.

- Никитка, так я боюсь, что ему тут скучно будет. Ты ему компанию составь, с парнями там познакомь. У тебя ж и интернет есть, и че там вам ишо надо. А Сашенька, милый мой роднучка, такой вымахал! Хочешь, фотографии покажу?

Последний вопрос набил оскомину, поэтому я решил не париться с ответом.

- Баб Дусь, да не волнуйтесь вы! Приглядим за вашим... Сашенькой. Свои ж люди! Он когда приезжает? Может, встретить его?

- Да нет, - отмахнулась старушка. - Он на машине. Вечером должен приехать. И ты приходи.

После непродолжительных посиделок я наконец отправился домой. На бабу Дусю я не злился из-за ее просьбы. Заранее предполагал, что не смогу отвертеться от миссии самого очевидного экскурсовода. Сашенька ее был парнем столичным, закончил архитектурный институт, а она очень хотела, чтобы ему тут понравилось. Боялась разочаровать навороченного внука скудостью нашего быта, отсутствием московских тусовок и разнообразия. Он приезжал впервые и сразу на все лето. Наверное, баба Дуся переживала, что наскучит младшему внуку, а такого ей уже не перенести. Хорошо, сделаю все возможное. По крайней мере, видимость точно создам.

Потому, когда раздалось громогласное мамино «Никит, к бабе Дусе внук приехал!», которое, уверен, слышно было и в самой Москве, и теперь Сашенькины родители облегченно выдохнули, что сын благополучно добрался до места, я выждал еще пару часов и снова отправился

к соседке.

Машина стояла во дворе. Новенькая черная «Тойота». Я пожалел бедняжку, которая преодолела огромное расстояние по российским дорогам. Войдя в дом, увидел картину, достойную Лувра: Мадонна с младенцем. А именно - баба Дуся, пытающаяся обнять своими худыми ручонками бугая. Они сидели на старой тахте рядом, на коленях у парня лежал открытый фотоальбом, а на шее висела счастливая бабуля. Он тоже улыбался и свободной рукой поглаживал ее предплечье. Они дружно уставились на меня, и я решил, что пришел слишком рано - она еще далека от того, чтоб ему наскучить.

Но баба Дуся тут же отлепилась от Сашеньки-милого-ее-роднулечки-такой-вымахал и вскочила с резвостью молодой лани.

- Заходи, заходи, дорогой мой. Сейчас чаю налью!

Парень тоже встал и шагнул ко мне. Я сразу вспомнил его, еще ребенком. Кажется, он всегда был таким же улыбочивым. И с Танюхой они очень похожи - оба темноволосые, высокие, худощавые, даже разрез глаз такой же. Я ответил на приветствие неожиданным для самого себя:

- А ты помнишь меня?

- Да не особо, если честно, - он улыбнулся еще шире. - Ты же шпенделем был! Белобрыся шпана.

И протянул ладонь, словно хотел потрепать меня по волосам. Что-то подобное в его привычках водилось и в детстве. Я рефлексивно отшатнулся, но с неловким смехом пожал руку. Ненавижу изображать радостные встречи с людьми, о которых годами даже не вспоминал.

- Пойдем, Никит, за стол, а то бабуля меня уже семь минут ничем не кормила.

Моя роль в тот первый день оказалась ничтожной. Я просто слушал, почти не вмешиваясь, как они разговаривают, и пришел к выводу, что Сашка этот - нормальный, в общем-то, парень. Простой, веселый, да и к бабушке своей относится явно очень хорошо. Возможно, она сильно перестраховалась с тревогами. Но все же перед уходом я предложил ему завтра прогуляться вместе. Покажу, мол, что да как теперь у нас.

Утром, когда выходил на работу, видел, как Саша поливал грядки, а баба Дуся стояла рядом и налюбоваться не могла на свое долгожданное чудо. Заметив меня, оба приветливо помахали, а я помахал в ответ.

Зарисовка «О художниках»

Всегда завидовал художникам. Только у них есть Дар, дающий полноценную творческую эйфорию. Я могу писать стихи, рассказы, когда-нибудь, возможно, напишу книгу. Умею играть на гитаре, хоть и не слишком хорошо: мне подвластно исполнение всех девяноста процентов песен, которые строятся на повторяющихся ля-минор, ре-минор, ми-мажор, ля-минор. Я никогда не пробовал сочинять музыку, но вполне могу представить этот творческий процесс. Он, безусловно, тоже прекрасен. Но недостижимой вершиной для меня всегда было рисование.

Воплощение рефлексии. В самом прямом ее значении! Берешь мир, пропускаешь через себя и выплескиваешь обратно на лист. И там появляется кусок мира с твоим фильтром. Мне больно даже представить себе такую форму самовыражения, как больно смотреть на солнце. И этот талант, как ни прискорбно, мне неподвластен, несмотря на все жалкие попытки. После стадии пропускания мира через себя, процесс тормозится - по причине отсутствия нужных рук, наверное. Кажется, слово «зарисовка» ко мне пришло как отголосок этого нереализованного желания. Я рисую словами. Мысль зреет, медленно набирает силу, разбухает, не дает покоя. И лучший способ избавиться от нее - написать зарисовку. Костыль для тех, кто мир через себя пропускать умеет, но рисовать так и не научился.

- Ты где работаешь? - спросил Саша, когда мы вдвоем шли по улице мимо школы, в которой оба когда-то учились.

- На заводе. Мастером.

- Нравится?

Я погрузился в поиск ответа на пару секунд, а он зачем-то повторил вопрос:

- Тебе нравится работать на заводе мастером?

Я повернулся к нему и натолкнулся на заинтересованный взгляд.

- Знаешь... я особо не задумывался над этим.

- Потому что не хочешь об этом задумываться?

- Скорее всего.

- Понятно.

Уж не знаю, что ему понятно, но настаивать на развитии этой темы не хотелось. Отец работал на том же заводе всю жизнь. Когда я закончил школу, у меня было немного вариантов для выбора профессии. Да нет, я, наверное, уже в раннем детстве знал, что буду работать на этом заводе, потом женюсь, возможно, буду пить и ругаться со своей женой, любить своих детей, но соблюдать с ними режим отцовской строгости. Чтобы они выросли хорошими людьми. И пошли работать на тот же завод.

Весь наш поселок можно пройти вдоль примерно за час, если особенно не спешить. Я показал Сашке все, что стоило его внимания, объяснил, как мы обычно отдыхаем.

- Ты как будто извиняешься, что тут нет драматического театра и цирка, - он прервал со смешком мой рассказ.

- Да нет, - я сначала возразил, а уже после заметил в своем тоне оправдание. - Дело не в том. Я ведь понимаю, что вы в столице отдыхаете иначе, а не бухаете с друзьями на речке, в чьем-то сарае или простецком клубе.

- По сути то же самое. Антураж другой, и бухло, может быть, подороже. Думал, мы там с друзьями каждую субботу в музей и на выставки ходим? Слушай, нам будет сложно общаться, если ты будешь чертить постоянную границу на «мы» и «вы».

Мне понравилась его манера сразу выделять важное.

- У тебя много друзей?

Он пожал плечами, но потом просто кивнул.

Когда добрались до дома Кирилла, где нас ждала целая толпа, уже смеркалось. Компания была к тому моменту порядком поддтая, поэтому приезжий без труда влился в коллектив. С самим Кириллом они когда-то были одноклассниками, с кем-то Сашка был знаком раньше, с кем-тознакомился теперь. Сначала все, так же, как и я, держались немного скованно. Теперь я увидел это со стороны и понял, о чем он говорил раньше - типа какой-то высокопоставленный эксперт приехал оценивать наш быт, и все стараются произвести на него приятное впечатление. Но, благодаря, конечно, водке и простому стилю общения «новичка», первоначальная показушность растворилась во всеобщем веселье. Уже через час Кирилл закинул руку Сашке на плечо, и они хором распевали «Ой, да не вечер».

Убедившись, что внук бабы Дуси в надежных руках, я посвятил всего себя Маше. Мы с ней не то чтобы встречались... как-то разговор об этом даже не заходил, но случайно оказавшись в одной компании, всегда обнаруживали себя в объятиях друг друга. Сашка, застукав нас за очередным поцелуем, притормозил рядом и удивленно приподнял бровь:

- О, твоя девушка, сосед?

- Маша-Саша, - быстро представил я и вернулся к ее шее.

- Она твоя девушка? - у него странная манера уточнять, пока не услышит исчерпывающий ответ.

- Невестушка! - хохотнула Маша и протянула ему руку. - Приятно познакомиться.

- Взаимно. Простите, что помешал.

- Надолго в наших краях?

Мне пришлось все-таки уделить внимание факту их знакомства. И тут я заметил, как заблестели глаза у моей маркизы страстных объятий и коротких ночевок. Она даже нижнюю губу закусила, разглядывая Сашку. Я не ревнивец, да и особо страстной любви к Маше не испытывал, но ситуация была раздражающе неоднозначной. И это меня разозлило. Я взял ее за руку и потянул к себе. Сам Саша при этом все время смотрел мне прямо в глаза, а лицо его стало непривычно серьезным.

- Мне завтра на смену, так что я сваливаю! Не пропади тут без меня, - я отсалютовал напоследок и направился к выходу. А тот просто кивнул в ответ. - Переночую сегодня у тебя? - это уже Маше, которая снова вспомнила о моем существовании.

Я совершенно не беспокоился, оставляя подопечного в кругу его старых приятелей и одноклассников. Внезапное раздражение улетучилось так же быстро, как и возникло. В конце концов, я не ревнивец.

Глава 2

Зарисовка «За сбычу мечт»

Первый тост у нас всегда одинаков: «За сбычу мечт!». Не знаю, кто придумал это дурацкое

выражение, и почему все неукоснительно соблюдают придуманное правило, но именно традиции делают сообщество тесным кругом. Свой от чужого отличается знанием традиций. И каждый раз, произнося это самое «За сбычу мечт», никто за столом и не задумывается всерьез, что должно бы вкладываться в эту мысль. Есть хоть у кого-то из нас мечта? Все уже закончили школу, кто-то работает, кто-то сидит на шее у родни, кто-то свалил в большие города. И все, кто остались, на моих глазах расписались в отсутствии мечты, потому что Новая Засопка - не то место, где мечты сбываются. Дело, конечно, не в месте, а в самом ощущении, а оно постоянно меняется, вместе с возрастом и целями. Например, можно, когда тебе шестнадцать, мечтать о девочке с соседней парты - такой нежной, такой не к месту особенной посреди привычной серости. Мечта о взаимности может и сбыться: поцелуи, встречи, первая любовь, первая страсть и первый секс. А потом она отвечает взаимностью всем, кто тоже о ней мечтал или просто проходил мимо. И твоя мечта тает под натиском простого осознания: девочка эта, предмет твоих грез, виновата только в том, что тоже мечтает! Она мечтает найти того, кто ее мир сделает особенным, кто вытянет ее из бесконечной рутины. Проблема не в тебе или в ней, а в мечтах. Взрослые - те, кто ставят цели, а не погружаются в мечты, дети - те, кто просто еще не пережил несколько необходимых для существования разочарований.

Всю рабочую неделю мы с Сашкой виделись ежедневно, хотя на тусах с Кириллом и остальными я ему компанию не составлял. Там он прекрасно справлялся и без меня. А мы пересекались только потому, что жили в соседних домах.

Иногда он сам заходил к нам, и моя мама относилась к его визитам точно так же, как баба Дуся к моим. Отца чаще всего не бывало дома, а когда и присутствовал, то сухо здоровался и возвращался либо к телевизору, либо к бутылке. Главе семейства не по статусу демонстрировать особую приветливость.

Однажды я оставил Сашку в своей комнате, пока бегал на кухню за мамиными булочками, а вернувшись, застукал его уткнувшимся в мою тетрадь.

- Эй! Это вообще-то личное! - я поставил тарелку на стол и потянулся, чтобы отобрать свою потрепанную отдушину.

- Погоди, - сухо и серьезно. - Погоди, я сказал! - даже резковато. При этом он развернулся так, чтобы лишить меня возможности просто вырвать тетрадь из рук.

Стало как-то неприятно щекотно. Как будто он грязной ногой наступил мне в душу. Но до того, как я успел обозначить позицию, он захлопнул тетрадь и положил на стол. Точно на то место, где она всегда лежала.

- Никит, у тебя есть мечта?

Я сразу понял, какую зарисовку он успел прочесть, но отвечать у меня желания не было.

- Может, тебе уже домой пора, сосед?

Он смотрел прямо, без тени улыбки.

- Я должен извиниться? - с ударением на слове «должен».

Какой он сложный человек, несмотря на то, что с другими общается довольно просто. Я отвел взгляд.

- Даже не знаю. Лезть в личные дела других - некрасиво. Но ты, наверное, и сам не знал, что лезешь в личные дела. Ладно, забей.

- Никит, извини.

И что? Закатить истерику, как баба, из-за такой ерунды? Это даже не дневник. Просто зарисовки, которые ничего глубинного во мне не показывают. Я как-то моментально остыл и отмахнулся:

- Да ничего. Забей!

- Точно?

- Точно, - я улыбнулся, показывая, что зря вспылил.

- У тебя есть мечта? - эта привычка Саши повторять вопрос, пока его не устроит ответ, немного злила.

- Нет! - огрызнулся я. - Жри булки уже. Мать пекла.

Он уселся на кровать и потянулся.

- У меня есть мечта. Хочу спроектировать небоскреб. Офисное здание и чтоб в самом центре Москвы... И парк вокруг. И еще я хочу побывать в Австралии и Исландии. В Австралии много красивых зданий, хочу увидеть их своими глазами. В натуральную величину. А в Исландии люди странные. Я не понимаю их. И мне интересно, смогу ли я их понять.

Он сбил меня с толку, перенаправив вопрос на себя:

- Все твои мечты реальны. Вполне возможно, что когда-нибудь они осуществляются.

- А твои нереальны? - он улыбался и смотрел так, что мне пришлось тоже улыбнуться. А когда улыбаешься, легко говорить правду:

- Я хотел бы уметь рисовать. Как настоящий художник. Но это невозможно, потому что у меня совсем нет таланта.

- Фотография? - предложил он наиболее близкую замену.

- Нет, это не то, - я поморщился.

Саша протянул руку и ухватил с тарелки самую большую булку. Откусил белый мякиш и сказал с набитым ртом:

- Знаешь, если вокруг моего небоскреба не будет парка, я все равно посчитаю, что мечта сбылась.

И после этого просто ушел, даже не попрощавшись.

Через пару дней очередной ужин меня застал дома у бабы Дуси, как это бывало нередко и до приезда ее внука.

- Поехали завтра на речку? - предложил Сашка.

- Да работаю же. Вечером сил уже нет куда-то ехать, - я отмахнулся. - Позови кого-нибудь из парней.

- Бабу-у-усенька! - заверещал он рыдающим фальцетом. - А Никита не хочет со мной играть!

Баба Дуся только улыбалась, убирая со стола грязные тарелки.

Я наклонился и похлопал его по руке, утешительно приговаривая:

- Не плакай, мелюзга! Через две недели дядя Никита пойдет в отпуск и тогда поиграет с тобой.

В ответ он вполне естественно надул губы и обиженно отвернулся.

А ночью, когда мозг уже отключился, позволяя телу отдышаться от минувшего дня, меня разбудил шум. Окно было открыто, поэтому Сашка без труда пролезал в комнату.

- Идиот? - уточнил я.

- Поехали на речку, Никит, - ответил тот, усевшись мне в ноги. - Че-т не спится мне.

- Идиот, - сам себе ответил. - Мне с утра на работу. Забыл?

- Просто поехали на речку.

Его поведение было глупым и странным. Неужели он так быстро затосковал без приключений, что начал херить правила приличия? К тому же он вполне мог найти себе компанию и без меня. Но говорил так странно, что мне расхотелось настаивать на своем. Поэтому я откинул одеяло, натянул на себя футболку и спортивные штаны.

Мы доехали на его машине за пять минут. Ночь выдалась звездной, и мерцающий свет отражался в медленно проходящей мимо нас воде.

Я уселся на песок, заявив:

- Купаться не буду.

- Да как скажешь, - неожиданно согласился он и сел рядом.

Глаза слипались от усталости, но было в этом что-то приятное - вот так сидеть молча и смотреть на звезды в воде.

- Расскажи мне о брате, - Сашка нарушил тишину.

- Зачем?

- Они с Таней встречались. Что он за человек?

Я подумал немного:

- У нас с ним разница в десять лет, и мы никогда не были особо близки.

- И все-таки.

- Что с тобой сегодня? Кирилл предложил-таки тебе печаль-травку?

- Расскажи мне о брате, - у него, похоже, клинит, если ему не ответишь.

- Ну... Он очень практичный человек, неплохо зарабатывает. С отцом отношения напряженные. Женат. Двое детей. Живут на другом конце поселка, где пятиэтажки.

- Вы с ним похожи?

Я посмотрел на него, удивляясь неуместному любопытству, но Сашка так и не отвел взгляда от воды.

- Не знаю. Внешне - точно нет. Про характер... не могу сказать. А вы с Танюхой очень похожи, - я решил перенаправить тему. - Она красивая. Как у нее дела?

Он слабо улыбнулся и опустил подбородок на колени.

- Она тогда очень плакала, - я сразу понял, что он говорит о периоде после переезда в Москву. - Ты не представляешь как. Она как будто умирала. Не знаю, сколько она переживала это и пережила ли до конца. Вышла замуж в прошлом году, сейчас ждет ребенка. Муж у нее хороший, на руках ее носит. Она книги с итальянского переводит - ей это нравится, нужды в деньгах у нее и без того бы не было. И все равно мне кажется, что до конца она своего Сережу не пережила.

Я понимал, что отвечать сейчас какую-то банальность было бы не к месту. Сашка явно был настроен не на это. Но что-то ответить было надо:

- Не знаю, переживал ли Серега ее отъезд так же сильно. Говорю же, мы не особо близки. Но через два года он уже стал жить с другой девушкой, потом на ней и женился, - я не собирался извиняться за то, что разлука с первой любовью моего старшего брата не сломала, как Танюху.

- Я никогда ее не понимал, - снова удивил Сашка сосредоточенностью на одной теме. - Я бы на ее месте вернулся. Хоть как, наплевав на мнение родителей, на институт. Просто взял бы и вернулся. А иначе, зачем вообще жить, если для жизни приходится ломать себя?

Я возмутился:

- Им было по семнадцать! Какая жизнь? Какая любовь до гроба? О, они бы под гормонами поженились, факт. И знаешь, где твоя Таня сейчас была? В лучшем случае работала бы кассиршей на нашем заводе! Или носила бы уже третьего ребенка, вместо того, чтобы переводить... с итальянского.

- Может быть, - он согласился задумчиво. - Но я все равно бы вернулся.

Зарисовка «О семье»

Я прекрасно понимаю, что семьи бывают разными, и описывать какой-то усредненный вариант дело неблагодарное. Но мне хочется выявить хоть какие-то закономерности. Я сейчас не о любви или страсти, а о прочных отношениях, когда мужчина и женщина живут друг с другом уже много лет, прошли вместе через трудности, вырастили детей, возможно, пережили измены и предательства. Какие у них отношения? Моя мать уже по звуку шагов знает, в каком настроении отец. Она не любит ссориться, но когда он перегибает палку - спуску не дает. Они

даже ругаются, похоже, по привычке. Ритуально. Вот он снова выпил, она молча демонстрирует свое недовольство, он, более холеричный по натуре, не выдерживает первым и начинает выяснять причины ее кислого вида. Они даже фразами обмениваются одними и теми же. Из года в год. Или, предположим, другая семья, где ссоры не так типичны. Допустим, муж приходит с работы, жена встречает его ужином и спрашивает о прошедшем дне, а потом он задает ей свои вопросы. Уютные разговоры. Одними и теми же фразами. Из года в год. Ритуальные диалоги. И по устойчивости правил эти семьи ничем не отличаются от первых. Как бесконечный день сурка. Это уже давно не любовь между мужчиной и женщиной, это застывшая модель - кто что должен делать или говорить. Стоит ли она того, чтобы ее поддерживать ежедневным усилением воли?

В субботу меня все же вытащили на речку, где собралась вся компания - парни, девчонки и море спиртного. Я отчего-то был рад, что Маша не пришла. Созваниваться специально у нас вообще в привычке не водилось.

Я уже искупался и грелся на солнышке, распластавшись на песке, пока Сашка с парой девчонок гоняли в магазин за вином, внезапно возжеланными нашими прекрасными дамами. Я не стал концентрировать внимание на том, что эти же прекрасные дамы с этим же энтузиазмом готовы поглощать и водочку.

Кирилл с Андреем катали по песку футбольный мяч, а я лениво наблюдал за ними, сам не имея никаких сил для активного отдыха. Когда вернулись наши магазинные засланцы, атмосфера едва уловимо изменилась.

Саша, держа в руках пластмассовый стаканчик со спиртным, присел рядом со мной, а мне протянул бутылку пива.

- С Кириллом что-то не так, - озвучил я выводы своих наблюдений.

- Что с ним не так? - без особого интереса спросил Сашка.

- Не знаю точно. Дерганый какой-то, - это и в самом деле было заметно: тот стал говорить громче, как-то неестественно смеяться, зло подкалывать друзей. Но вслух я добавил только: - Сам не понимаю, но что-то не так.

- Знаю, - просто ответил сосед.

Я удивился тому, насколько равнодушно и однозначно это прозвучало:

- Что ты знаешь?

- Сам смотри. Внимательно. Все довольно очевидно, на мой взгляд.

Тут нас потащили снова в воду, потом опять выпивка и глупые шутки. Я даже пару раз пнул мяч. Вечерело, парни разводили костер, все уже обсохли и оделись. Но веселье только начиналось. Девчонки нанизывали шашлыки на шампуры, а я время от времени поглядывал на Кирилла. Если охарактеризовать изменение его поведения одним словом, то у меня получалось «распетушился». Точно. Как будто подросток влюбился и пытается произвести впечатление, привлечь к себе внимание. Но чье? Я осмотрел всю компанию, которая хаотично мелькала вокруг, то приближая, то удаляя отдельные свои частицы. А в центре системы Кирилл, который меняется по мере приближения-удаления только одной частицы.

- Ты будешь дико ржать, - я дождался, когда девчонки отлепят от Сашки и переключатся на какую-нибудь другую жертву. - Но у меня сложился тупой и единственный вывод.

- Ржать не буду, - заверил Сашка. Он уже был порядком под хмельком и только сейчас натягивал футболку. Девчонок этот факт огорчал донельзя, но становилось уже прохладно.

- Кирилл выпендривается перед тобой!

- Ага, - абсолютно серьезно и даже не задумываясь. - А почему он это делает?

У меня, наверное, лицо вытянулось. Конечно, ответа я не знал.

- Никит, а почему он это делает? - да, эта привычка уже не просто злит. Бесит.

Я продолжал молчать, потому что даже в уме эти слова не складывались в одно предложение.

- Ну же, сосед! - он со смехом хлопнул меня по плечу. - Ты умнее их всех, вместе взятых. Не разочаровывай меня!

Я выдавил:

- Ты. Ему. Нравиться?

- Я ему нравлюсь, - совершенно спокойно повторил он и отправился поближе к костру и шумной компании, которая стекалась в одном направлении.

Нет, мой мир не рухнул. Просто в голове никак не укладывалась эта мысль, потому что противоречила всему, что я знал о Кирилле и нашем сообществе старых друзей. Эти рассуждения я и озвучил Сашке, когда мы под утро возвращались домой. Но он ответил:

- Не утрируй до такой степени. И никогда не говори с ним об этом. В противном случае наживешь себе злейшего врага. Он не готов признаться ни тебе, ни мне, ни даже себе. Да он сейчас понимает в происходящем с ним меньше, чем мы с тобой, видя это со стороны.

- Мы с тобой точно один и тот же смысл вкладываем в слово «нравиться»? - я не мог до конца уловить, что он пытается объяснить.

Сашка усмехнулся и пожал плечами:

- Думаю, да.

- Ты нравишься ему... я не знаю, может, как человек? Ты интересный, необычный, вы были друзьями в детстве, и поэтому желание произвести на тебя впечатление настолько его захватило?

- Ты так думаешь или хочешь, чтобы так было?

Я себя никогда до сих пор не считал тем, кто упрощает понимание, чтобы было легче его принять.

- Нет, я просто пытаюсь понять.

- Но ты уже понял. Эта симпатия другого рода. Та самая, которая граничит с влюбленностью или страстью.

- Бред. Я знаю Кира столько лет...

- А он знает себя еще дольше! Поэтому ему так сложно. Конечно, он не думает: «Ах, я его хочу», «Оказывается, я гей!» или что-то в этом духе. Он не самоопределяется пока до такой степени.

- Ты хочешь сказать, что он гей? Кто, Кир?! - Сашка сам первым произнес это слово, и оно резало слух.

- Нет, конечно.

Я остановился и потряс головой.

- Теперь я вообще ни черта не понимаю!

Сашка тоже был уже почти трезвый, и, может быть, от усталости его улыбка была какой-то невнятной, мерцающей. Как будто он хотел улыбнуться широко и не хотел улыбаться одновременно. Как будто ему было интересно продолжать эту тему, но он не был уверен, что ее нужно продолжать.

- Никит, попробуй объяснить сам. Я не знаю, в каких словах эту мысль тебе будет понять легче.

Я задумался надолго, и какое-то время мы шагали в тишине. Рядом с домом бабы Дуси остановились.

- Он не влюблен в тебя, - я подбирал слова, отражающие мои внутренние рассуждения. - Пока. Он как будто примеряет это чувство. Прикладывает к себе. Но еще не готов считать его своим. Потому что признав такие эмоции в себе, он уже не сможет считать себя тем, кем был раньше. Сейчас он ни гей, ни натурал, и все будет зависеть от того, хватит ли ему стойкости полностью отказаться от этих эмоций.

- Или смелости их принять, - усмехнулся Сашка. - Да, я думаю так же. Теперь все?

Мне показалось, что он прямо сейчас готов распрощаться, даже с некоторым облегчением.

- Нет! - остановил я. - Если я прав, то сам факт такой внутренней борьбы говорит о том, что изначально он к этому готов не был. Ему не нравился никто из парней до тебя! Это... его первая примерка таких эмоций!

- И? - как-то устало.

- Что-то должно было толкнуть его на эту мысль.

- Например что?

- Ты знаешь. Мне кажется, что ты знаешь! - я вдруг отчетливо это понял. Как заодно и то, что Сашка не захочет отвечать.

- Знаю. Но не хочу об этом говорить тебе.

- Выкладывай уже! Мне теперь очень интересно, а значит, рано или поздно, тебе придется

рассказать.

Он вздохнул, продолжая глядеть куда-то в сторону светлеющего неба.

- Лучше бы поздно... А сейчас я все испорчу. В общем, в тот первый день, когда мы уже с ним одни остались, болтали о том, о сем. И я ему сказал, что я гей. Ты бы видел его реакцию! Он чуть не проблевался, пытаюсь объяснить, что об этом думает. Но с тех пор он эту мысль и мусолит в голове, привыкает к ней, смотрит на меня по-другому.

- А зачем ты ему это сказал? - мой голос прозвучал откуда-то со стороны.

- Потому что так и есть, - он посмотрел мне в глаза, криво улыбнулся и развернулся, чтобы открыть калитку.

И вот теперь мой мир рухнул.

Глава 3

Зарисовка «О геях и пидорасах»

В нашей устной речи слова «гей» не существовало. Нетрадиционщики были «пидорами», а за полным отсутствием каких бы то ни было нетрадиционщиков, «пидорами» назывались просто все, кто не нравился. Украл деньги у соседа - пидор, плохой начальник - пидор, отказался подменить в смену - пидор, учился в тридцать шестой школе - пидор. Думаю, это несколько размазало смысловое значение слова по сравнению с первоначальным вариантом. Пидорасов, которые спят с другими мужиками, мы особо никогда и не обсуждали. Хотя в интернете идет настоящая третья мировая по этому поводу. Люди делятся на два фронта: тех, кто ненавидит пидоров, и тех, кто их защищает, а соответственно, сам является пидором. Я для себя давно решил не вступать в споры на эту тему. Я терпеть не могу нетрадиционщиков, но и далек от того, чтобы ратовать за их физическое уничтожение, ссылки в лагеря и прочие аналогичные предложения. Чем люди занимаются в своих спальнях по добровольному согласию - только их дело. Извращенцев вообще немало, но отчего-то в нашем обществе ненависть строго сфокусирована только на гомосексуалах. А тут уже у меня отключается личное, я хочу понимать механизмы. Почему в развитых странах другое мнение на этот счет, ведь еще недавно они точно так же, как сегодня мы, относились к геям? Они просто эволюционно пережили этот этап, а остальные до этого еще не дошли? Или природа вкупе с идеологией изобрела способ ограничивать рождаемость естественным путем - задача, которая раньше успешно решалась только за счет войн и эпидемий? Как бы то ни было, но Россия с ее демографическими проблемами такой роскоши себе позволить не может. Именно поэтому пропаганда гомосексуализма у нас вредна. Плотность населения, соотношение полов, уровень рождаемости - да у нас и без геев скоро некому будет жить и работать! Но до таких тонких материй, как экономика и политика, простому обывателю дела нет. Гораздо продуктивнее привить эффективную норму, и тогда общество будет само следить за собой, не требуя дополнительных издержек со стороны государства. Мне отчасти жаль тех бедняг, которые, может, по природе своей другие, и мало кто из них всерьез заслужил проблемы, с которыми вынужден сталкиваться в атмосфере синхронного неприятия. Но это как раз тот случай, когда коллективный интерес нужно поставить выше частного. А со своей стороны я наотрез отказываюсь использовать слово «пидорас» по отношению к геям. Потому что оно унижает. Но не их, а говорящего.

Я никак не мог уснуть. Вспоминая и анализируя каждую мелкую деталь, которую узнал о Сашке за это время, я не был в состоянии выцепить то, что натолкнуло бы меня на мысль о его ориентации раньше. Не было никаких пристальных взглядов ни в мою сторону, ни в сторону кого-то из парней, он заигрывал с девчонками, в его внешности или одежде не было ничего «немужественного». Он сказал: «А сейчас я все испорчу» - и это был, безусловно, страх испортить наши с ним отношения. Кирилл, оказавшись в такой непростой ситуации, вряд ли станет об этом распространяться, я - тем более. Сашка знал меня уже достаточно хорошо, чтобы в этом не сомневаться. И вот тут возникает очень сложный вопрос: наши с ним отношения - дружба или с его стороны что-то другое? Что именно он боится потерять?

На секунду представил, могу ли я испытывать к нему романтическую симпатию, но тут же отказался обдумывать эту мысль. Это действительно полностью разрушит нашу дружбу моим устойчивым отвращением.

Для себя я успел решить только одно: мне дружба с ним не настолько важна, чтобы держаться за нее до последнего. Конечно, я понимал, что тот уровень общения, который он задал между нами, ни один из моих знакомых потянуть бы не смог. Потому и ответ простейший: если это только дружба, то ей быть, а если добавляются какие-то другие аспекты, то я своим психологическим комфортом рисковать не стану.

На следующий день я пропустил регулярный визит к бабе Дусе. Просто пока был не готов. Сашка у нас тоже не появлялся, и я решил, что он дает мне время все обдумать. До него я не встречал никого, кто так хорошо разбирался бы в людях, поэтому и не ждал давления или необдуманных шагов, которые окончательно бы разрушили нашу дружбу. А завтра начинается рабочая неделя, последняя до моего долгожданного отпуска. Хотя отпуск уже почему-то не казался таким желанным.

Однако же я Сашку переоценил. Опять влез ко мне в комнату посреди ночи, разбудив будто специально усиленным грохотом оконной рамы. А потом просто включил свет.

- Никит, поехали на речку, - дождавшись осмысленно-негодующего взгляда, негромко сказал он.

Я не знаю, что разозлило сильнее - что он не дал мне достаточно времени переварить вылитую информацию или что он срать хотел на мою утреннюю смену. И я не нашел способа лучше излить свое раздражение, чем сказать:

- Уебывай отсюда, пидорас.

Он, глядя куда-то в сторону, медленно кивнул, но продолжал едва уловимо улыбаться.

- Потом извинишься за это. Только не забудь. А сейчас поехали на речку, - он говорил так же тихо, но в голосе прозвучала непривычная для него жесткость.

- А если нет, кинешься в драку? - усмехнулся я.

- Нет. Я не стал бы тебя бить. И не позволил бы тебе бить себя. И закатывать истерики я не позволю ни тебе, ни себе. Я просто хочу, чтобы ты начал вести себя как человек, которого я знал до сих пор.

- О, похоже, цель моей жизни - оправдывать твои ожидания, - съязвил я, но уже сдавшись.

Встав с постели, я и не думал начинать скромничать, выпрямился, а только потом

демонстративно начал одеваться. Это он тут гей, пусть он и решает, как должен вести себя в присутствии полуголого мужика. Но Сашка просто исподлобья продолжал смотреть мне прямо в глаза, ничуть не напрягаясь от этой фальшивой демонстрации.

В машине мы ехали молча, пока я не решился:

- Ладно. Ты это... извини меня. Я не должен был так говорить.

- Ого, быстро ты думать начал. Я в восторге. Извинения приняты.

Во всей ситуации сильнее прочего раздражало, что он оставался хозяином положения, несмотря на то, что все должно было быть иначе. Поэтому я решил уточнить с некоторой долей издевки:

- А если бы я не извинился?

- Никит, это просто слова. Я слышал и похуже, и даже тогда не пропускал это внутрь. Извинения эти тебе нужны были, а не мне.

Он точно на архитектора учился, а не на психолога?

- Так зачем мы едем на речку? Будешь просить моей руки и сердца?

Он опять не отреагировал на укол:

- Поговорим. Я знаю, что все испортил. И хочу сделать все, чтобы исправить, раз уж сам виноват. До рассвета не больше часа, и если мы за это время не успеем все исправить, значит, и исправлять было нечего.

Мы вышли из машины на пустой берег. Мусор компания за собой почти весь убрала, но до идеальной чистоты теперь было далеко: кое-где еще валялись пустые бутылки, окурки, а в центре белел одинокий футбольный мяч. Сашка подошел к нему, носком подкинул вверх, дважды накинул правой ногой, а третьим ударом отправил точно в меня. Я рефлекторно поймал мяч руками, а затем откинул в сторону, этим показывая, что не собираюсь устраивать спортивные турниры. Потом прошел мимо него и уселся на песок, подкурил и прислушался к шуму воды. Прохлада, источаемая рекой, накладывалась на предрассветное марево, что делало температуру не слишком уютной.

Сашка, сев рядом, наконец-то произнес:

- Просто спрашивай.

Я дал себе еще минуту, а уже потом начал:

- Твои родители и друзья знают?

- Конечно.

- И как они восприняли?

- Другьям по барабану. Родители вопили, истерили и пытались отправить к психиатру, но потом, под влиянием Тани и времени, просто пришли в себя.

- У тебя есть парень?

- Сейчас нет.

- А ты был... с девушкой?

- Да, - в его голосе послышалась улыбка.

- Так, может, ты бисексуал? - я отчего-то тоже начал улыбаться.

- Это ты так тонко указываешь на мои заблуждения? Как мило, - он смотрел на меня, но мне до сих пор не хотелось встречаться с ним взглядом.

- Зачем ты рассказал Киру?

- Да как-то... Выпивший был сильно, расслабился, в привычном кругу друзей эта тема давно перестала быть запретной. Он меня про девушек спрашивать начал, ну, а я ляпнул про парней.

- Жалеешь?

- Нет, Никит, это ерунда все. Я уже десятки раз убеждался, что для людей, которым я нужен, это не является препятствием. Максимум, требуется несколько дней на принятие.

- Мне ты нескольких дней не дал.

- Потому что не считаю, что они тебе были нужны. Разве нет? Ты уже в первые пару часов все проанализировал и вынес вердикт. У тебя склад ума такой - переработать и прийти к выводу. Поди еще и зарисовку на эту тему запилил в своей тетради - что-нибудь типа «О гомосеках и дровосеках».

- Ты не знаешь меня настолько хорошо, чтобы делать такие выводы.

- Скорее, это ты не хочешь, чтобы я знал тебя настолько хорошо.

Я усмехнулся и закрыл глаза. Ветерок становился прохладнее.

- В твоем отношении ко мне нет... таких эмоций? - я все же решился задать этот вопрос, потому что только он и имел принципиальное значение.

Но Сашка молчал. Я открыл глаза и удивленно уставился на его профиль.

- Что зависит от моего ответа? - наконец выдал он.

- Ответь! - я снова начал нервничать.

Но он объяснил уверенно:

- Нет, Никит, я вообще никогда не думал о тебе в этом смысле. Разве ты не видел сам? Или, может, заметил пару томных взглядов и обреченных вздохов?

Нет. В нашем общении ничего подобного не было. Никакого пристального внимания, которое всегда порождается страстью, только интерес к беседам. Я проследил историю еще раз и окончательно убедился, что никаких симпатий, кроме дружеских, между нами замечено не было. А это значит, что общение легко можно реанимировать. Я даже облегченно выдохнул, заявив напоследок:

- Вот ведь! А я-то думал, что я красавчик! А оно вон как обернулось!

Сашка рассмеялся.

С этого момента все довольно быстро вернулось на круги своя. И мы возобновили ежедневное общение, совместные визиты к друзьям, ужины у нас или бабы Дуси. Теперь все снова было в порядке, хоть и не совсем в том, что раньше. Кирилл тоже обуздал внутреннее пламя, по крайней мере такой очевидной нервозности в присутствии Сашки уже не проявлял.

Со временем Сашка получил и доступ к моей тетради. Правда, в большинстве вопросов он был со мной не согласен. И именно от этого разговоры приобретали особую значимость.

Зарисовка «Об интернете»

Многие пишут, что интернет - чистейшее зло. И порно там, и лексика нецензурная, и дебилоиды группами кучкуются, а мораль и нравственность невинно убиенны. Но для меня все совершенно не так. К нам в поселок приехал парень. Он из Москвы, закончил престижный универ, родители состоятельные - то есть имеет все основания для того, чтобы сильно от нас отличаться. Но я, общаясь с ним, про эти мнимые отличия даже не вспоминаю! Мы читаем примерно одни и те же книги, смотрим те же фильмы, мы соглашаемся или, наоборот, в корне не согласны друг с другом, но у каждого из нас за плечами достаточная информационная база для равновесного спора. Если отвлечься от шелухи, то можно сказать, что мы находимся на одном уровне развития, хотя изначальные условия кардинально различаются. И благодарить за это я могу только интернет. Каждый, кто видит в интернете только мусор, будто осознанно игнорирует терабайты полезности. У интернета есть только один недостаток - обилие информации обесценивает ее. Но это уже тема другой зарисовки.

Наконец-то закончился мой последний рабочий день, и его я решил отметить как следует, а именно - заглянуть к Маше. Мы договорились о встрече заранее, потому предварительно я зашел в магазин, чтобы купить вина, конфет и даже симпатичного плюшевого зайца. Она все же девушка, поэтому требует к себе особого отношения. И кажется, за зайца она благодарила в тот вечер с особой страстностью, хотя и раньше за ней холодности не наблюдалось. Ночью я не раз возвращался к мысли, что не могу даже представить, как кто-то может променять на мужиков прекрасные женские мягкие податливые тела. Конечно, мне девятнадцать, а в таком возрасте не нужно слишком многого для возбуждения. Но как вообще возможна сексуальность без этого взмаха волос, когда она кокетничает, или надутых губ, когда немного обижена, этой тонкой талии и стройных ног, которые Маша умело подчеркивает короткими платьями в обтяжку, этих напряженных щиколоток, когда она на высоких каблуках? Мне даже захотелось влюбиться в нее, но пришлось отметить, что кроме красивого тела и постельных навыков, меня в ней больше ничего не интересовало. Значит, пора влюбляться в другую, пусть не такую красавицу, если с ней можно будет еще и поболтать. У меня появилась потребность дарить кому-то плюшевых зайцев.

Возвращаясь утром домой, я застал Сашку возле моего дома. Ранней пташечности я до сих пор за ним не замечал.

- Привет, - я подошел и протянул руку для пожатия. - Ты чего так рано?

- Так мы же с тобой в город едем. Собирайся быстрее.

Я только сейчас оценил его прикид - брюки вместо обычных джинсов, светлая футболка с каким-то сложным принтом, да он даже побрился. На пару секунд обратился к собственной памяти в попытке выловить из нее момент нашей договоренности.

- Э-э! Впервые слышу, что мы куда-то едем, - заявил я неуверенно.

- Ну да, впервые, - успокоил он. - Поехали. Ты ж в отпуске теперь.

- Слушай... - я еле сдержал зевок. - Давай не сегодня. Я не выспался.

- Но день рождения у меня сегодня.

Я уставился на него и ответил уже увереннее:

- Врешь!

- Конечно, вру. Ну, допустим, не сегодня, а послезавтра. И, допустим, не у меня, а у бабушки. Но суть-то от этого не меняется.

Ага, вот про ее день рождения я, конечно, знал.

- За подарком, что ли?

- Ну да. Купим ей там что-нибудь, сами развеемся. Машу свою зови, вместе веселее.

Маша только в этом году окончила школу и на работу пока не устроилась. Но звать ее с собой не слишком-то хотелось - вряд ли от ее присутствия будет веселее. Кроме того, я еще помнил, как она смотрела на Сашку в их первую встречу. И хотя теперь я понимал, что ответа с его стороны ей не дожидаться, все равно это было неприятно. Маша хоть девственницей-моралисткой и не была, но и шлюхой ее назвать ни у кого бы язык не повернулся. Я знал, всегда чувствовал, что она терпит эти нерегулярные полу-ухаживания именно из-за искренней симпатии. Реакция на Сашку не вписывалась в ее типичное поведение. Поэтому лицезреть очередной приступ кокетства по отношению к нему я не хотел, но мне понравилось, что сосед предложил это.

- Да нет! Давай лучше кого-нибудь из парней позовем?

Он пожал плечами:

- Тут сложнее. Ближе всего я общался с Кириллом... А из остальной гопки кого ни позови, остальные потом будут кудахтать, что их проигнорировали.

Он прав. Все парни и девчонки нашей компании перемещались из места в место всей хаотичной системой. Конечно, почти у каждого был лучший друг - обычно сосед, бывший одноклассник или, реже, коллега по работе. Я и раньше понимал, что являюсь чуть ли не единственным из них, который не сблизился слишком сильно ни с кем, я просто был частью толпы. Ко мне хорошо относились, с кем-то я общался ближе, с кем-то едва здоровался, но никто из них, так же, как и я его, не назвал бы меня лучшим другом.

Поэтому я махнул рукой:

- Тогда поехали вдвоем.

Если уж на то пошло, то вдвоем нам и было комфортнее всего.

Я переоделся, пока мама поила соседкиного внука чаем. Стараясь соответствовать Сашкиному прикиду, нацепил белую рубашку и почти новые джинсы. Прихватил деньги, тоже куплю что-нибудь бабе Дусе и матери. Областной центр находился примерно в пяти часах езды на машине - не так уж и далеко, но и не слишком близко, чтобы ездить каждые выходные.

Мы уже усаживались в машину, закинув на заднее сиденье пакеты с ватрушками, контрейнер с варениками, печенья, термос с чаем. Кое-как удалось убедить бабу Дусю, что варенье из ранеток нам в дороге точно не пригодится. И тут меня окликнули:

- Никит, дай закурить, - к нам подошел Игорь и пожал по очереди руки.

Я протянул ему открытую пачку, предлагая взять, сколько требуется. Сашка вообще не курил, а на дорогу у меня запас был.

- В город собрались?

- Ага, - ответил Сашка. - Давай с нами.

Затянувшись, парень недовольно помотал головой:

- Да какой там! На смену иду... И до сих пор с бодуна мутит. Эй, Сань, - он обратился к соседу. - Так че там с Кирюхой-то?

Я удивленно посмотрел на Сашку, но тот вместо ответа просто отмахнулся. Игорь, поняв, что объяснений не дождется, добавил:

- Ты зря это. Так не делается. Ну, может, ляпнул он или сделал че обидное по пьяни, с кем не бывает? Но сразу лезть в драку... Вы же друзья с детства. Кирюха - хороший человек, на самом деле хороший, и его тут каждый уважает. А ты приезжий. Не дело это - кулаками с друзьями проблемы решать.

- Погорячился, - вдруг ответил Сашка. - По пьяни, с кем не бывает? И мы уже урегулировали вопрос. Мы ж друзья с детства.

Игорь даже не заметил, что ему ответили его же словами, удовлетворенно кивнул и потопал по своим делам.

В машине тишина начинала уже давить. Я не выдержал:

- Ну и что там с Киром-то?

Сашка, не поворачиваясь ко мне, ненадолго и едва заметно улыбнулся. И он знал, что я не отстану. В крайнем случае, возьму на вооружение его привычку повторять вопросы.

- Мы бухали вчера, он меня потом в комнату позвал, типа для серьезного разговора. Они пить еще до моего прихода начали, к тому моменту он был в хлам, - Сашка опять замолчал, а потом, поморщившись, продолжил: - Короче, полез он ко мне... целоваться или придушить, а, скорее и то, и другое разом. Ну... оттолкнул его, он намек не понял, а потом я уже врезал. Разок, чтоб в себя пришел. Он часа через два, уже потрезвее, ко мне заходил. Сказал: «Давай забудем». Мы пожалы друг другу руки, на том и разошлись.

- Ого! - уточнять, что остальные вообще не в курсе всей истории, нужды не было. Кир уж точно

сам не расскажет. - То есть он созрел?

Сашка не отводил взгляда от дороги. Машину он вел ровно, хотя скорость на трассе держал приличную. Такими темпами мы уже к обеду доедем.

- Не знаю, созрел или нет. Да и говорю же - бухой он был, сам не понимал, что делает.

- А если созрел? Если все, окончательно определился?

- Ну, тогда ему будет трудно. Это везде трудно, но в Новой Засопке - практически невозможно, - я не мог понять, почему Сашка так непривычно серьезен.

- А ты? Он... тебе не нравится? - если бы мы обсуждали девушку, то такой вопрос был бы вполне нормальным. - Если он будет трезвый и...

- Нет.

- Почему? - я не очень разбирался в привлекательности мужчин, но Кира уродом назвать было нельзя. Да нет, наверное, даже симпатичный. По крайней мере, по мнению девушек. И он всегда отвечал им взаимностью. До сих пор.

- Что за глупый вопрос? Разве ты спишь с любой женщиной, которая не откажет?

Я рассмеялся, немного натянуто, но для сложившейся атмосферы и это было на пользу.

- Мне девятнадцать! И даже сейчас я не особо разборчив. А уж спроси ты меня пару лет назад... Да, черт возьми, с любой, которая не откажет!

Сашка посмотрел на меня:

- Так тебе нравится Маша, или она просто не отказала?

- Нравится. В сексуальном плане уж точно. Я не влюблен, но к таким сиськам ни один мужик не остался бы равнодушным! А-а, ну да... - я осекся.

И водитель наконец-то искренне рассмеялся.

Остаток дороги мы болтали ни о чем и обо всем и подпевали знакомым песням по радио.

Глава 4

Мы уже обшарили магазины и купили все необходимое. Для бабы Дуси я приобрел сковородку с антипригарным покрытием, а матери - набор каких-то скатертей и салфеток. Я вообще не знаток в подарках женщинам. Повернул вслед за Сашкой в очередной магазин.

- Куплю тебе подарок, - ни с того ни с сего вдруг заявил он. - Фотоаппарат.

Я подыграл:

- Конечно, купишь! Сегодня же у тебя день рождения, который послезавтра и у бабы Дуси, поэтому я должен получить подарок! Ну, наконец-то хоть один логичный поступок!

- Но вообще в них не разбираюсь, - он меня будто вовсе не услышал. - Вот этот «Сайбер-шот»

выглядит вроде бы неплохо.

Я даже не взглянул на витрину.

- Ты совсем, что ли, ебанулся? - вежливо поинтересовался я. Радостно летящий к нам продавец-консультант, услышав последнюю фразу, остановился со звуком тормозящего автомобиля в трех метрах и повис в воздухе в позе лотоса.

Сашка все-таки уделил внимание и мне.

- Это как-то... по-гейски, что ли?

- Да нет, - я вообще не подумал о таком аспекте.

- Друзья не дарят друг другу подарки?

- Дарят. На день рождения, например.

- Когда он у тебя? - Сашка снова повернулся к витрине, посчитав, видимо, что наш разговор не стоит его непосредственного участия.

- Зимой!

- И, по-твоему, я специально приеду сюда зимой, чтобы подарить подарок? Не мни о себе слишком многого, друг.

Я растерялся.

- Ну, по твоей логике, я тоже должен купить тебе подарок? - меня почему-то эта ситуация начала смешить.

- Конечно, должен! - он уже махнул рукой статуе консультанта, тот смог выдохнуть и продолжить траекторию полета. - Но это потом. До моего отъезда еще много времени.

Я отвесил челюсть, но бросаться грудью между ними двумя и витриной, чтобы симпатия Соня не был изъят с полки, конечно, не стал.

- Бред какой-то, - высказался я уже в машине. Мне почему-то было неприятно принимать дорогостоящую вещь. - Я и сам мог его купить.

Сашка завел мотор.

- Я тебя умоляю, только не воспринимай это как подачку от богатого мальчика. Дело не в твоих финансах. Просто ты никогда, - он выделил это слово максимальным раздражением, - не купил бы себе фотоаппарат.

- Конечно. Я и фотать-то не умею! Вообще никогда этим не заморачивался.

- Если захочешь - научишься. А когда-нибудь ты захочешь. И когда-нибудь захочешь профессиональный аппарат. Если у тебя такая страсть к изобразительному искусству, то это хотя бы какой-то способ ее выплеснуть. Да ладно! Художник в тебе просто умолял меня об этом.

Я усмехнулся:

- Ну, тогда спасибо. Наверное. Если стану знаменитым фотографом, упомяну твое имя на какой-нибудь из выставок в Милане. Мол, был в моей молодости один придурок. Он-то и заставил меня стать великим.

- Если ты и станешь знаменитым, то скорее писателем, чем фотографом, - заметил он. - Если хоть одну работу допишешь до конца.

Он уже, конечно, прочитал все мои грандиозные наброски. Некоторые я выкладывал на сайте, но и там приятные отзывы вскоре заканчивались после статуса «заморожено». Я справедливо заметил:

- Я будущий великий писатель, который хотел бы стать великим художником. Самое логичное - подарить мне фотоаппарат.

- Ты уже художник, - он пожал плечами. - Просто рисуешь по-другому. Не понимаю, чем тебе может помешать фотоаппарат.

Мне эта тема осточертела, поэтому спросил:

- Теперь домой?

- Домой? Куда нам спешить? В ресторан!

- Куда?! - звук получился между хрипом и смехом.

Сашка направлял машину к зданию, неоновые надписи на котором уже начинали поблескивать под наплывающими сумерками.

- Поужинаем. Я выпью. А ты меня потом повезешь домой. К утру вернемся! - заверил он.

- Э-э, Саш... Я не умею водить. И прав у меня, естественно, по этой же причине нет.

- Да я пошутил... Как это - не умеешь водить?

- Ну, у отца машины никогда не было. Короче, случая научиться не представилось, - я не желал оправдываться за такой пробел в моем воспитании.

- Я думал, что пацаны в поселке все, как один, прямо с первого класса учатся. Я уж точно научился еще до Москвы.

- И твой опыт сразу создает прецедент, который должен повторяться у каждого без исключения?

- Нет! - он торжественно поднял указательный палец вверх. - Мой опыт возвышает меня над тобой, как Биг-Бен над Темзой. Короче, потом научу тебя.

- Зачем?

- Чтоб умел. Вдруг война с инопланетянами, все такие смываются на тачках в убежища, повсюду пробки и хаос. И один ты стоишь, как лох, и плачешь.

- Я имел в виду, зачем нам на это время тратить? Вдруг войны с инопланетянами не будет?

- Ну да. У нас же других развлечений полно. Ты в отпуске оценишь мою тоску. Меня уже

порядком притомили ежедневные посиделки у кого-то из парней. И печень вызывает к милосердию. Я боюсь не протянуть до конца августа, если не найду себе занятие без обязательного участия алкоголя.

Мы вышли. Сашка нажал на кнопку пульта, чтобы сигнализация включилась с негромким «клиньк».

Свободных столиков было предостаточно. Мы выбрали тот, что подальше от сцены и шумных компаний. Строго говоря, это был даже не ресторан, а кафе, хотя и очень уютное. На тот момент я решил, что «ресторан» - это должно быть что-то более изысканное, дорогое и эксклюзивное. Плевать на вывеску. Наши блюда принесли уже минут через пятнадцать, включая и пиво для меня. Вот, наверное, наличие пива в меню и понизило рейтинг этого места с «ресторана» до «кафе», хотя я мог и серьезно ошибаться.

Я согласился с Сашкой, что спешить некуда. В конце концов, я нечасто вырываюсь из привычной новозасопкинской атмосферы. Он заказал себе десерт, а я пододвинул следующий бокал с пивом, решив, что это вкуснее сладкого пирога.

- Саш, - я уже наелся и размяк от алкоголя до такой степени, что готов был поднять рейтинг этого «кафе» до «ресторана». - А как это - быть геем?

- Надеюсь, ты сейчас не о физиологии процесса? - он иронично поднял бровь.

- Фу, блядь! Нет, конечно! Физиологию я вообще даже не пытаюсь осмыслить. Для меня секс - это женщина. Как мужик... Фу, блядь!

- Тогда ты отвлекся, - он поставил локти на стол и немного наклонился вперед. Наверное, не хотел, чтобы нашему разговору нашлись свидетели. Я сделал то же самое и стал говорить тише.

- Я о другом спрашивал. Как тебя воспринимают, как к тебе относятся? Я понимаю, что ты не кричишь об этом на каждом углу, но ведь и не особо скрываешься. Как ты себя ощущаешь, когда идешь за руку с парнем, а на вас глазеют?

Он закусил нижнюю губу, но улыбка вырывалась из этого препятствия.

- Никит, а как ты сейчас себя ощущаешь?

- Отлично ощущаю. О чем ты?

- У меня для тебя плохие новости. Ты сейчас гей. По крайней мере в глазах официанта и некоторых посетителей. Да не оборачивайся! Просто, прими как факт. Мы сидим тут уже больше часа, два молодых парня. При этом не уделяем никакого внимания соседнему столику, где сидят две девушки. Как мы выйдем, по-твоему?

- Пф! - возмущенно. - Я, например, не уделяю им внимания из чисто практических соображений. Какой толк сейчас с ними знакомиться, мутить, а потом пригласить... прогуляться до Новой Засопки?

- Возможно. Но никто из присутствующих об этом не знает.

- Ты преувеличиваешь!

- Да, немного преувеличиваю. Хорошо. Согласен стопроцентно побыть геем в их глазах?

- Зачем?

- Чтобы ответить на свой вопрос. Ты никого тут не знаешь, но последствия в виде драки могут быть.

Вот это «в виде драки» и определило мой выбор. Получалось, что если я откажусь, то только из страха перед дракой?

- Окей, давай. Целоваться взапас, надеюсь, не придется?

- Брось, ни к чему до такой степени погружаться в эксперимент. Твоя невинность останется нетронутой, обещаю. Закрой глаза.

Я выполнил просьбу.

- И сразу о физиологии, - услышал я голос Сашки. - Секс, а особенно секс между влюбленными - это, в первую очередь, обмен энергией. Я сейчас дотронуся до твоей руки.

Он предупредил, вероятно, для того, чтобы я не начал дергаться и кривиться от отвращения. Потом накрыл мою ладонь своей. Выждал некоторое время.

- Представь, - продолжил Сашка, - что эта рука не моя, а какой-нибудь женщины. Ты просто ощущаешь чужое тепло. И если эта женщина тебе нравится, то ее тепло было бы приятно. Тебе будет приятно, если руки у этой женщины не мягкие, если ее ладони сухие или с мозолями от какой-нибудь тяжелой работы. Если бы тебе нравилось в ней все остальное, если бы ты любил ее, то даже не обратил бы внимания на мелкие недостатки. Нет, ты бы принимал это тепло безропотно, наслаждаясь. В чем смысл тогда? В этом обмене теплом или в мягкости ее рук? Это если говорить о симпатии и любви. С сексом ситуация еще проще...

Я не выдержал и открыл глаза. Сашка, улыбаясь, спокойно убрал свою ладонь с моей.

Я огляделся. Девушка за столиком неподалеку смотрела на нас с удивлением и... восхищением? А ее подруга тихо хихикала, то и дело поглядывая в нашу сторону. За ними сидела пара в возрасте, которые сморщились до состояния куриных жоп, а элегантная дама даже челюсть немного отвесила, что несколько убавило степень ее элегантности. Молодой парень с девушкой пересаживались на два столика дальше, как будто боялись вирусного заражения. И только первая так и не отрывала от нас восхищенного взгляда, а ее подруга продолжала хихикать.

- Фу, блядь, - снова сказал я - и в ответ на его предыдущие объяснения, и как вывод об общественной реакции.

- Ну, и как оно - быть геем, Никит? - Сашка уже снова развалился на стуле.

- Отвратительно. С какой стороны ни посмотри. А в Москве так же?

- Не до такой степени. Хотя нет, неправильно. Там все зависит от места - где-то вообще никакой реакции, а где-то сразу рискуешь получить в бубен. Ты просто учишься вести себя соответственно месту.

- Сочувствую, - прокомментировал я. - Я бы не решился на такую жизнь.

- Большинство и не решаются. Живут себе спокойно. Дрочат на гей-порнушку, когда жены нет дома. Психуют по пустякам. Вешаются в пятьдесят или становятся домашними тиранами. Выбирают нормальную жизнь, в ней не надо идти на большой стресс сразу.

- Выходит, что тот, кто спокойно заявляет о своей нетрадиционной ориентации, неизбежно сильный человек? Другие просто не выдерживают общественного давления?

- Как-то так, - Сашка неопределенно повел плечами. - По крайней мере в похожем городе или в Новой Засопке уж точно. Любой камин-аут тут - практически самоубийство. А бывает и наоборот. Некоторые, чаще всего бисексуалы, очень любят заявлять о своей гейской натуре. Это их способ эпатировать, вызвать реакцию, протест или проверка собственной смелости. Ну что, пойдём?

Я последним глотком допил пиво и кивнул. Расплатились пополам и получили, проходя через зал, массу пристальных взглядов. Один хмурый мужик даже начал вставать, но друзья его усадили на место. С исследовательской точки зрения опыт был для меня очень полезен. Теперь обязательно введу в одну из своих историй гея. Конечно, он будет второстепенным персонажем, но на его примере можно хорошо показать внутреннюю силу и контроль над реакциями.

Зарисовка «О родительской любви»

Материнская любовь - эдакий столп среди общественных норм. Из всей массы различных видов любви именно материнская стоит на незыблемом постаменте абсолюта. К отцовской любви относятся заметно проще. Это понятно, ведь именно мать отдает ребенку силы, здоровье, время, молодость и красоту. Она заслуживает получать за это почести всю оставшуюся жизнь. И я верю, что большинство матерей рискнут жизнью и сделают что-то за гранью человеческих возможностей ради своих детей. Потому что это инстинкт, а не вопрос свободного выбора. Потому я признаю родительскую любовь... но сомневаюсь в ее безупречности. Разве любовь нуждается в условиях? Если бы родительская любовь была безоговорочной, то и не было бы скандалов в семьях из-за плохой учебы, дурных привычек или специфической манеры одеваться. Вот, папочка, мамочка, ваш сорокалетний сынуля - алкоголик! Он счастлив, только когда пьян в стельку! Отчего же вы не радуетесь за него? Может, дело только в том, что родители просто обеспокоены будущим своих детей? Но тогда и не было бы трений, если ребенок не хочет быть юристом, а предел его мечтаний - стать пекарем. Ведь это его жизнь! Он не должен становиться юристом только потому, что эта ваша неосуществленная мечта. Но он станет. Практически в любом случае станет. Потому что если он любит и ценит своих родителей, они не позволят ему выбирать самостоятельно. Получается, что родительская любовь имеет некоторые рамки - тебя будут безусловно любить, пока ты оправдываешь их ожидания.

Мысли о нашем эксперименте в ресторане никак не покидали голову. Как пятилетнему ребенку, закатывающему истерики матери, чтобы проверить границы дозволенного, так вдруг захотелось поступить и мне. Если бы я был геем, как отреагировали бы родители? За ужином я реализовал эту перемусоленную за три дня идею неожиданно для самого себя:

- Mam, я гей.

Я хотел тут же сказать, что пошутил, но она просто усмехнулась и махнула рукой. Отец оторвался от телевизора и поставил бутылку пива на пол, но промолчал. Этой реакции

недостаточно, чтобы считать эксперимент завершенным.

- Mam, я не шучу.

Мать замерла. Просто застыла, а ложка выпала из ее руки и в гробовой тишине громко стукнулась о поверхность стола. Отец уже стоял рядом, а его лицо наливалось краснотой.

- Как ты сказал?

Вот тут было самое время признаться. Но почему-то захотелось узнать, что будет дальше.

- Я сказал - гей. Го-мо-сек-су-а...

- Ублюдок, - выдавил отец. - Ебанный ублюдок... Пидор? Мой сын?!

Он схватил меня за волосы и рванул с такой силой, что я упал на пол. Попытался подняться и тут же получил в полную силу удар в лицо.

- Сука! Охуевшая неблагодарная сука! - орал отец. - Тебя для этого, что ли, рожали и растили?!

Он снова ударил в лицо, а потом пнул в живот. Скрючившись, я смотрел на мать. Она так и сидела за столом, зажав рукой рот, даже словом не пытаясь остановить отца.

Вот тут, мама, вот именно на этом пороге заканчивается твоя любовь?

Следующий удар я отбил и, уже поднимаясь, оттолкнул отца, не давая сбить себя с ног снова. У него даже слюна изо рта просочилась от ярости.

- Вообще-то, это неправда, - я обратился к матери. - Исследовательский интерес. Ты меня знаешь. Погружение. Для моего рассказа. Хотел узнать об естественной реакции. Узнал.

Шатаясь, я направился в свою комнату. Меня никто не удерживал.

Через час отец постучал в дверь и, не дождавшись ответа, зашел.

- Это... сын... Ты извини меня. Правда, извини... У меня будто крыша поехала... Извини.

Я ответил, что сам виноват. Он неловко потоптался еще пару минут и вышел.

За ним мать, тоже извиняться. Ей я сказал то же самое и даже позволил осмотреть мое лицо. А она все причитала:

- Сынок, ну до чего ж глупая шутка! Ты прости папу, он же поверил. Хотя понятно было, что это неправда... Ты же с Машей встречаешься... И Свету так любил... Прости, родной мой!

- Mam, я стопроцентный натурал. Успокойся уже.

- Я люблю тебя, сынок, - сказала она, выходя из комнаты. И на этот раз я ей не поверил. Любит, только пока я оправдываю ее ожидания.

Глава 5

Я пожалел, что мы так и не обменялись с Сашкой номерами телефонов. Договаривались

сегодня пойти на ночной променад, который опять устраивала вся толпа на речке. Спиртное и мясо для шашлыков обычно приобретались вскладчину - прямо там, на месте и решали, что берем. Можно было и приносить с собой - особенно, если появляешься уже к расцвету гуляний, то есть затемно. Сегодня должна приехать Света, которая почти два месяца гостила у родни, - моя бывшая девушка. Мы расстались уже после школы, по взаимному согласию, и с тех пор продолжали общаться. В такой компании, как наша, нет шанса кого-то полностью игнорировать. Поэтому вначале было мучительно: видеть ее с другими парнями, отмечать, что и с ними она не слишком-то счастлива, приходило к выводу, что лучше бы тогда она была несчастна со мной. Но постепенно все нормализовалось. Чувства не живут вечно, поэтому через какое-то время нам снова стало комфортно находиться рядом и болтать, теперь уже совсем по-дружески, о тех же пустяках, что и со всеми остальными. Свету ждали. Она являла собой какую-то опорную точку, в силах которой было влиять на общее настроение любой компании. Она не боялась говорить открыто, могла кого угодно, даже Кирилла, легко поставить на место. И ей все сходило с рук... А когда она брала гитару и начинала петь - ей заведомо прощалось все, даже то, чего она никогда бы не сделала. Многие из нас учились играть, в одно время эта мода охватила всю молодежь поселка, но настоящих успехов достигла только она. Я давно уже не любил ее и не вылавливал взглядом в толпе, но от ее присутствия создавалось приятное ощущение полноты.

Я искал способ предупредить Сашку, что сегодня не пойду с ним. Звонить Кириллу или кому-то еще, чтобы спросить его номер, было глупо. Все знали, что мне быстрее дойти до дома бабы Дуси, чем набрать одиннадцать цифр. Включил компьютер и через некоторое время нашел его в одной из соцсетей. Написал: «Привет». Почти сразу он зашел в сеть с телефона, прочитал, добавил в друзья и вышел. А на мое сообщение ответил минут через десять, лично, просунув голову в окно:

- Привет, - он, как обычно, легко пролез в комнату. - Твоя мама сказала, ты заболел.

В комнате было уже достаточно темно, а я продолжал лежать на кровати, подложив руку под голову.

- Ага, заболел.

- Простыл, что ли? - он шагнул в моем направлении.

- Ага, простыл.

Сашка щелкнул выключателем и снова повернулся ко мне. Внимательно осмотрел, щурясь от режущего с непривычки света.

- Ого-го. Кру-у-уто, - описал он мою распухшую рожу. - Давай сфотаем? Такая красота обязана быть запечатленной.

Распакованный «Сайбер-шот» лежал перед компьютером. Я уже сделал пару пробных снимков. Но Сашка к фотоаппарату не потянулся. Я продолжал молчать.

- Это кто тебя так простудил? - поинтересовался он, укладываясь на кровать с краю. Головой он уперся в противоположную спинку. Я тоже приподнялся, чтобы иметь возможность смотреть на него. - Кирилл?

- С чего ты взял, что это Кир? - подал я голос.

- Потому что других вариантов нет.

- А Кир - разве вариант?

Сашка подумал.

- Не знаю. Может, ревнует, что я провожу с тобой гораздо больше времени, чем с ним?

Я улыбнулся, несмотря на то, что правая щека отозвалась ноющей болью.

- И если это Кир, то ты сейчас побежишь защищать честь прекрасной дамы?

- Еще чего! - возмутился он. - Сам защищай свою честь. У меня даже белого коня нет, так что пусть прекрасная дама закатывает губу обратно. Так это не он?

Я снова замолчал.

- Никит, это не Кирилл? - я бы даже удивился, не прозвучи этого повторения вопроса.

В общем-то, я и до его прихода понимал, что ему придется рассказать. Наше общение было слишком постоянным, чтобы сохранить опухшую морду в тайне. Наверное, я просто хотел немного отложить этот разговор, но, зная Сашку, был уверен, что он мне такой свободы не предоставит. Поэтому я просто выложил все, как было.

Он обдумывал минуты две и только потом выдал:

- Ну и идиотина же ты... Лучше б ты им сказал, что у тебя рак.

- Да знаю, что идиотина. Просто хотелось проверить их реакцию. Уверен, если бы я был настоящим геем, то такая мысль бы в голову не пришла. А тут как-то и страха не было, как раз потому, что из своей зоны комфорта я на самом деле не выходил.

- Вопрос можно? - я не ответил, потому что настойчивые вопросы - неотъемлемая часть его натуры. Независимо от моего согласия. - Зачем ты хотел проверить их реакцию именно в этой теме?

- Было интересно.

- Но если бы ты не был знаком со мной, тебя бы такая гениальная идея не озарила, так? Ты ведь понимаешь, что начинаешь примерять на себя... как Кирилл?

Я напрягся и даже сел.

- Нет. Это не одно и то же!

- Конечно, не одно и то же, потому что ты - не он. И я понимаю, что каждая твоя мысль должна заканчиваться конкретным выводом, потому что ты на это и пошел. Но зачем ты вообще допускаешь в себя такие мысли?

- Они не спрашивают разрешения на вход.

- Ладно. Неважно, - он махнул рукой. - Пошли к ребятам на речку.

Я попытался приподнять бровь, но вовремя остановился. Сосущая болью ранка только-только затянулась и перестала кровоточить.

- Да ладно тебе, Никит! Вы тут что, никогда ни с кем не дрались? Теперь будешь сидеть пару недель дома, чтобы никто не узнал? И правда, как прекрасная дама.

- Нет, просто им надо будет как-то объяснить...

- Боже ж мой! Скажи, что это я, или брательник твой, или пидорасы с тридцать шестой. Подойдет любое объяснение.

«Пидорасы с тридцать шестой» - это было по-нашему, по-новозасопкинскому до такой степени, что я не выдержал и хохотнул. В поселке было две школы - первая и тридцать шестая. И пока мы учились, велись перманентные войны не на жизнь, а на смерть. Причина взаимной ненависти достаточная - наш поселок разделялся рекой на две части. Наша половина, традиционно называемая Нахаловкой, целиком была застроена частными домами. Их Жирный ряд строился гораздо позже и включал в себя также пятиэтажные хрущевки. Но война была не между Нахаловкой и Жирным рядом, а между первой и тридцать шестой, потому что в курсе постоянных боев были только школьники. Наверное, нам просто хотелось задавать вопрос, который задает любой взрослеющий пацан в любом городе: «Эй, ты из какого района?». До серьезного кровопролития дело никогда не доходило. Мы просто чесали кулаки друг об друга и вспоминали весь матерный лексикон. Конечно, сейчас эту традицию подхватила новая школоты, но изредка случалось и нарваться на тех, кому ты года два назад начищал морду. И мы с обоюдным удовольствием вспоминали детство. Потому что в девятнадцать иногда очень хочется не быть взрослым.

Мы вылезли через окно - с родителями встречаться я не хотел - и отправились на речку, с которой на всю округу разносились звуки пьяного веселья.

- Хао, Никитос, это кто так тебя? - спрашивал каждый.

- Пидорасы из тридцать шестой, - отвечал я и получал понимающий кивок. Кое-кто даже предлагал вспомнить юность и навеститься в Жирный ряд, но идея эта уже не находила достаточного отклика.

Наконец, ко мне подбежала и Света. Она единственная не спросила о налившемся под глазом синяке, а просто обняла на секунду, как обычно, а потом обратилась к моему другу:

- Ты Саша, да? Меня зовут Света. Пойдемте, там уже шашлыки почти готовы.

Компания концентрировалась вокруг костра: кто ближе, кто подальше - особенно парочки. Я отыскал в толпе Машу, которая, конечно, тут же уселась рядом со мной, прямо на песок. Сашка, окруженный девчонками, разместился неподалеку. Все уже были пьяные и веселые, а мы с ним догоняли остальных. Все болтали в своих тесных кружках, но тут громче остальных начали раздаваться голоса спорящих парней:

- Да заебал ты уже с этими хохлами! Отстань уже от них!

- Как это - отстань?! - возмущался Андрей. - Какого хера эти ублюдки вообще творят? Своих же мочат, порядок навести не могут. И подставляют анальную дырку под Европу, как пидорасы.

- Они и есть пидорасы! - подхватил кто-то.

- Ага, - отозвался еще один. - А слышали, в Пиндосии узаконили гейские браки? Теперь они всей страной долбят друг друга в жопу.

Среди общего смеха раздался голос Светы:

- Ну и какое тебе дело, кто куда кого долбит в Пиндосии?

Андрей повернулся к ней:

- Да это же мерзко... Прикинь, в жопу! Говномесы!

- Когда речь шла о Наталкиной жопе, ты что-то не слишком возмущался, - парировала Света, вспомнив старую историю. Андрей тогда с гордостью рассказывал всем, как развел временную подружку на анал.

Толпа ответила дружным хохотом, но Андрей пытался перекричать:

- Не передергивай! С девушкой - это другое!

- Ну конечно, другое! - Света не давала ему спуска. - Знаете, а вот я иногда жалею, что я не лесбиянка. Мне кажется, с женщиной ужиться куда проще! Жаль, что у меня встает только на мужиков...

Андрей тут же переключился:

- Ого, Светлан, ты это... Если когда-нибудь решишься, меня позови. Я б поглазел!

- В очередь, индюк! - заржал стоявший рядом со Светой Игорь. - Я первый! У меня и глазомер больше!

Они еще какое-то время под всеобщий хохот мусолили эту тему, а я присмотрелся к тем, чья реакция на такие разговоры меня интересовала. Сашка, улыбаясь, так и болтал с одной из девчонок, которая постоянно пыталась переместиться к нему на колени. А Кирилл... он позеленел. Стало даже странно, что никто больше не заметил такое сильное изменение его настроения. Он хмурился и не отрывал взгляда от Сашки, а потом встал, сплюнул и ушел в темноту. Вернулся не сразу, но, судя по всему, смог взять себя в руки.

- Света классно поет, - заметил Сашка, после того, как Маша зашла в свой дом, а мы направились дальше. - И вообще, она какая-то... как будто не отсюда. Как и ты.

- Мы встречались с ней в школе. Сейчас отношения ровные, дружеские.

- Удивлен, что вы расстались, - вставил он. - Я пообщался с ней... Почему не сложилось, если не секрет?

- Да нет, не секрет, - я махнул рукой. - Просто не сложилось. Она потом перевстречалась со многими из наших. И ни с кем не была достаточно долго. Она... как будто ищет и не находит.

- Подозреваю, вы еще можете сойтись снова. Если она не уедет куда-нибудь подальше, что было бы очень логично.

- Нет. Это очень уж вряд ли. Прошло давно, говорю же. Я даже к Маше больше привязан.

- Ты можешь думать о себе что угодно. А я буду думать что угодно мне, наблюдая со стороны. Вы со Светой сильной отличаетесь от остальных, вот с того я и решил...

- Не преувеличивай, сосед, - я рукой вытер резко потекшую на глаз жидкость. Кровь. Ранка над бровью опять открылась, а почему-то алкоголь заметно усиливает кровотечение. Возможно, я и не заметил, как разорвал ее края еще сильнее. У меня с собой не было даже платка, а пачкать футболку не хотелось.

Сашка за плечо развернул меня к себе и оценил ситуацию.

- Пошли ко мне. Бабушка уже спит давно. Хотя бы пластырь присобачим.

Я приложил руку к ране, стараясь уберечь одежду от капель, и пошел за ним. До моего дома было рукой подать, но мне до сих пор не хотелось встречаться с родителями. А если я начну искать аптечку, то, скорее всего, привлеку внимание матери. Она, конечно, уже знает, что я свалил. Но это было дело привычное, может даже, успокаивающее в ее случае - я не рыдаю в подушку от незаслуженной обиды, а пошел гулять с друзьями, как обычно.

Я умылся, стараясь очистить водой и ранку. Отражение в зеркале было впечатляющим. Синяк под глазом будет сходиться очень долго, но сейчас больше беспокоила бровь. Края вокруг кроваво-мясистой полоски разбухли и теперь выглядели намного хуже, чем часа три назад.

- Надо бы зашивать, - пробубнил Сашка. - Давай, короче, перекисью, а потом стянем пластырем. Это, конечно, не лучший вариант, и шрам останется.

Он протянул мне намоченную ватку, чтобы я сам перед зеркалом обработал рану. Что я с шипением и сделал. Прищепил пальцами края и дождался, когда кровь перестанет сочиться, а потом уже Сашка небольшими полосками пластыря начал фиксировать сверху, перпендикулярно линии разрыва.

В его движениях не было ничего, что не сделал бы другой парень, помогая мне в таком же случае. Вообще ничего! Он отрезал полоску и аккуратно прикладывал к нужному месту, чуть прижимая по краям двумя пальцами, потом брал следующую. Всего три. Всего три раза он приближался и касался руками моего лица. И... это у меня, а не у него, что-то внутри перевернулось.

Это был самый первый эпизод. Я очень многое забыл, но до сих пор считаю, что это был самый первый эпизод. Я не из тех людей, которые врут себе. Я не из тех, кто себя жалеет. Поэтому, хоть и отстраненно, захотел, чтобы он, будучи вот так близко, посмотрел мне в глаза. Нет, я не собрался вдруг его поцеловать, вдохнуть запах или повернуть еще какую-нибудь романтическую хренотень - ничего подобного! Я хотел только узнать - у него сейчас глаза такие же серые, как обычно? Будет ли он улыбаться, как обычно, когда наши взгляды встретятся на таком коротком расстоянии? Я до одури захотел, чтобы он посмотрел мне в глаза.

Но его внимание было приковано только к ранке. И закончив, он просто отстранился и подтолкнул меня снова к зеркалу.

- Зацени, Мона Лиза, какая прелесть получилась.

Но я не мог сосредоточиться на своем отражении. Провалился в водоворот внутри. Сашка выдернул меня из меня уже более серьезным тоном:

- Никит, все нормально? У тебя, может, сотрясение?

Я отрицательно помотал головой и просто сказал:

- Все, я домой. Спасибо.

Стоит ли говорить, что уснуть я так и не смог? Когда мать громогласно позвала завтракать, я тут же пошел к ней. Она оценила ровные параллельные полоски над моей бровью и распереживалась, что сама не заметила сразу, что ранка такая глубокая. В принципе, изначально она таковой и не выглядела, потому я просто отмахнулся. Мать погладила меня по волосам и попросила сегодня отдохнуть. Это мне и было нужно.

Я поставил кактус на стол и поучился пользоваться зумом на фотоаппарате. Потом перекинул кучу снимков в компьютер. Затем проделал то же самое с книгой, с книгами, с книгами и кактусом. На улице гораздо больше объектов для такой тренировки, но выходить из комнаты не хотелось. Я не хотел спать. Не хотел писать зарисовки. Не хотел думать. Я хотел фотографировать кактус с книгами.

Ближе к вечеру подумал, что поскольку я ни разу за день не заглянул к бабе Дусе, то скоро Сашка заглянет ко мне. От этой мысли веяло истерикой. Поэтому я переоделся, предупредил мать, что ухожу, и направился... к Кириллу. Он отчего-то стал единственным человеком, которого сейчас хотелось видеть.

Я заметил его издалека. Он сидел на лавке рядом со своим домом и курил. Потерянный. Или просто с бодуна после вчерашнего.

- Привет, Кир. Присяду?

- Садись, - он пожал мне руку, подвинулся и протянул полупустую пачку.

Мы долго молча сидели рядом. Потерянные.

- Как дела? - я нарушил тишину.

- Все нормально.

- Работал сегодня?

- Воскресенье же. Завтра.

- А-а. Ясно. А я в отпуске.

- Ясно.

И снова молчание.

- У тебя как? - на этот раз спросил он.

- Нормально все.

- Ясно.

Я уже хотел встать и уйти, ведь увидел все, что было нужно: веселый, вечно что-то вытворяющий Кир превратился в развалину. Из-за того, что не смог принять себя. Или из-за того, что Сашка не захотел ему ответить. В любом случае именно Сашка убил его, вытравил из него жизнь. Когда тот уедет, Кир будет долго приходить в себя, но рано или поздно придет.

Именно Сашкиного отъезда Кир, наверное, и ждет, как финальной точки, с которой можно будет начинать жить заново.

Но когда я поднялся со скамейки, Кир неожиданно спросил:

- А сосед твой че? Я думал, вы теперь постоянно вместе тусите.

- Ну да... Рядом же живем. Кстати, Кир, я слышал, что вы подрались.

Он наконец-то поднял голову.

- Да это когда было-то, нашел, что вспоминать. Не подрались даже. Я ему по-пьяни что-то ляпнул, он мне врезал. Совершенно справедливо. Мы уже давно все уладили.

- Это хорошо.

Кир просто отмахнулся, встал и поплелся в дом, даже забыв попрощаться.

А я возвращаться домой не хотел и теперь пожалел, что не захватил фотоаппарат. Нашел себе место на берегу реки, уже за мостом, подальше, чтобы случайно ни с кем не столкнуться. И просто сидел там, вслушиваясь в шепот реки.

Конечно, никакой влюбленности или страсти я к Сашке не испытывал. Он мне даже не нравился в этом смысле. Но он слишком сильно мне нравился как друг. Как человек. Ни с кем другим я раньше не мог спорить до одурения о буддизме или системе социального обеспечения в Швеции. Никто до сих пор не удивлял таким глубоким пониманием людей и меня самого. Если воспринимать любовь как обмен энергией, как ауру одинакового цвета, то он мне стал ближе, чем когда-то была Света, Маша и другие девчонки. Если бы он был девушкой, то я бы уже без оглядки любил ее. Но в данном случае я не хотел этого всего. Я не хотел развалиться на части, как Кир.

Не знаю, было бы мне легче, если бы Сашка проявлял ко мне какой-то интерес... ну, в романтическом смысле. Наверное, было бы только хуже. Когда чувствуешь такой интерес к себе, легче сорваться в чувство, а я не такой сильный, я бы не выдержал давления со стороны друзей и родителей, даже если бы был геем. И я не гей. Вот это все происходит не потому, что я вдруг перестал быть натуралом, просто Сашка слишком особенный. Думаю, что и Кира переклинило только поэтому.

Что делать дальше? Самой вдохновляющей идеей было прекращение нашего общения полностью. Но как ее реализовать? Он не из тех, кто просто смирится, не получив достаточных объяснений. Да и мне без него уже будет слишком скучно. Признаться? А в чем? Нет ведь ничего такого, формулируемого словами. Значит, остается просто продолжать, не выходя за рамки. И ждать его отъезда. Надо идти домой и продолжать. Тем более, что сигареты закончились.

- Ты меня избегаешь? - поинтересовался Сашка, идя мне наперерез от своего дома.

- С чего ты взял? Я у Маши был! - я хохотнул. - Как здоровьице после вчерашнего?

Я совершенно отчетливо уловил в его взгляде какое-то непонимание. Но это было неважно. Его проблемы.

- Да нормально. Сам как?

Сам я был очень «не очень». Меня качало из стороны в сторону от недосыпа, а мозг сжимала тяжелой рукой непонятная тоска.

- Спать хочу, - честно признался я.

- Тогда пока. Поехали завтра учить тебя водить машину? - он оставался в своем репертуаре.

- Ага. Давай. Только не слишком рано.

- Окей, - он уже уходил. А я продолжал стоять и смотреть ему в спину.

Глава 6

- И как будет выглядеть мое обучение? - поинтересовался я, когда мы выходили от бабы Дуси. Сашка, как и обещал, не наведаясь ко мне спозаранку, поэтому у меня была возможность выспаться. И надо заметить, что после четырнадцатичасового сна я ощущал себя гораздо лучше. Вчерашние переживания не исчезли полностью, но покрылись плотным туманом.

- Ты будешь ехать - я буду орать. По-другому не бывает, - объяснил он.

За руль я сел уже за границами поселка. Хоть движение у нас и не было шумным, но все-таки для первого раза мне требовалась наименее стрессовая ситуация. Дорога была ухабистой, естественно, никакого асфальта. Сашка быстро ввел меня в курс дела, а потом подвел итог всему минутному курсу обучения: «Пробуй сам».

В общем, через некоторое время я ехал самостоятельно, правда, машина подсакивала на каждой вмятине, да и скорости я не прибавлял. Оказалось, что это не так уж и сложно. Действительно, странно, что я не нашел для этого времени и возможности раньше. Когда на встречной появился автомобиль, я затормозил резко, двигатель заглох.

- Не кисни, - поддержал меня сенсей. - С опытом перестанешь прятаться в кусты от других машин.

- С каким опытом-то? Арендовать у Кира его бобик?

Сашка пожал плечами, обозначая, что это уже не его проблемы. И сразу сменил тему:

- Поехали на карьеры?

Песчаные карьеры, давно заполненные водой, находились километрах в двадцати от поселка, и дорога к ним вся разбитая - чтобы добраться туда, требовалось не меньше часа. Именно поэтому толпа туда выбиралась нечасто. Сам я этим летом на карьерах еще ни разу не был.

- При условии, что ты сядешь за руль, - ответил я. - Надоело мне вас катать уже, барин.

- Эх, холопы ленивые пошли. Скучаю по старому доброму рабовладельческому строю, - подхватил он, открывая дверцу со своей стороны.

На карьерах вообще никого не было. Неудивительно, учитывая рабочий день и вечернее время.

- Купаться? - Сашка уже стягивал футболку.

Я только сейчас обнаружил, что оказаться тут я изначально не собирался, а соответственно, плавки с собой не захватил. Конечно, вокруг ни души. И если бы это было позавчера, я бы, даже не задумываясь, пошел в воду в своих боксерах. Но «сегодня» чем-то едва уловимым отличалось от «позавчера». В частности, тем, что я просто не хотел раздеваться.

- Не хочу. Давай сам. Я посижу на берегу.

Он не стал меня уговаривать. Переоделся возле машины и сразу побежал в воду, через пару шагов занырнул секунд на пять, а потом обозначил свое появление гораздо дальше, тряся мокрой головой над поверхностью.

Я сидел на песке и не мог не смотреть на него. Точнее, я впервые смотрел на него через сегодняшней фильтр, а не позавчерашний. Еще точнее, я смотрел на себя, смотрящего на него.

И видел, что улыбаюсь. Всегда улыбаюсь, если улыбается он. Так, наверное, повелось с самого начала, просто я это заметил впервые. Видел, что я не хочу смотреть в его сторону, когда он выходит из воды. И испытываю непонятный, до мурашек неприятный, ужас, когда с его волос на меня попадают капли. А он будто специально трясет своей башкой. И еще я видел, что мне впервые не о чем с ним говорить.

Сашка немного подсох под вечерним солнцем, а потом снова пошел к машине, чтобы одеться. И после этого уселся рядом.

- Никит, что не так? - спросил он, и я только сейчас отметил, что наше молчание, действительно, затянулось слишком надолго.

- Ничего, все в порядке, - соврал я равнодушно.

- Никит, что случилось? - на этот раз он удосужился перефразировать вопрос, с чем раньше не заморачивался.

- Ничего не случилось.

- Никит, - он тронул меня за плечо, заставляя повернуться к нему. Я просто посмотрел ему в глаза. Да, они такие же серые, как обычно. И нет, он не улыбается, как обычно. Вспомнился тот момент, когда я хотел этого до такой степени, что был готов взвыть, а сейчас вызвало только раздражение. Какую-то пульсирующую злость, заставившую меня вскочить.

- Ничего не случилось! Отъебись уже! - я зачем-то это сказал слишком громко.

Он тоже поднялся на ноги и ошарашил:

- Не веди себя так по-женски, Никит.

Вот это самое «по-женски», наверное, и остудило мою злость.

- Извини. Просто настроение плохое. С Машей никак не клеится и с родителями как-то теперь напряженно...

- Но дело не в этом, - закончил он за меня.

- Поехали домой? - я нашел в себе силы снова посмотреть на него и улыбнуться.

- Нет. Сейчас мы никуда не поедем. Ты успокойся, и мы поговорим. Все.

Раздражение накатило новой волной:

- Ну, тогда я пошел пешком. Оставайся тут, если хочешь.

- Нет. А если попытаешься, то я сломаю тебе ногу. И потом мы поговорим. Все.

Это звучало до такой степени абсурдно, что я не удержался от смешка. Он улыбнулся в ответ и снова уселся на песок, скрестив ноги по-турецки. Я достал сигарету и подкурил. Через несколько затяжек тоже вернулся на свое место.

- Саш, да правда. Мне нечего тебе сказать. И я не смогу объяснить конкретно, из-за чего психанул.

- Это не сейчас, не тут началось. Я уже раньше заметил - может, вчера... или еще до этого... потому и увез тебя подальше, чтобы ты не смог просто сбежать от ответа, - в его голосе не было особой серьезности, скорее, даже проскальзывала легкая улыбка. - И теперь я почти уверен, что дело во мне.

- Пуп земли? - уточнил я.

- Не для каждого, - он усмехнулся. - Но что-то не так. Я не хочу тебя обижать неверными предположениями, но кто-то из нас должен сформулировать, что происходит. Так?

Так. Но мне нечего формулировать.

- Никит, я считаю тебя своим другом. И точно знаю, что ты считаешь меня своим. Пусть мы и знакомы не так долго, но некоторые связи устанавливаются быстро и основательно. Так?

- Так.

- Именно поэтому, просто чтобы не портить эту связь недопониманием, давай попытаемся разобраться вместе. Так?

Я понял, какую стратегию он избрал. Он будет мягко нащупывать направление моих мыслей, пока не доберется до нужной точки. А остальное я дорасскажу сам. Только он не знает, что точки-то этой пока нет. Но иных стратегий я придумать не успел, поэтому снова ответил:

- Так.

Но, как оказалось, я ошибся, и очень серьезно. Потому что никакой мягкости в этой стратегии не подразумевалось:

- Никит, я нравлюсь тебе?

Лучше бы он мне ногу сломал. А тут, как обухом по голове, аж в ушах зазвенело. Я со всей силы зажал их руками, чтобы остановить этот оглушающий гул. Бедный, бедный, бедный Кир! Как он все время с этим справлялся в одиночку?

- Никит, - сквозь ладони его голос все равно было слышно, - я не говорю, что ты гей. Или что влюбился в меня. Это просто эмоция, которая так тебя пугает, что ты боишься о ней думать. Никит! Посмотри на меня.

У меня ушло минут пять на то, чтобы оторвать руки от головы и повернуться к нему.

- Меня тошнит от этого всего, - устало ответил я на все вышесказанное.

- От меня? - он не отводил серьезного взгляда.

- От себя.

- Никит, я понимаю. И готов тебе помочь... Только скажи, чего ты хочешь. Хочешь, мы никогда больше не будем общаться? Или хочешь, чтобы я до тебя дотронулся?

В этом «дотронулся» прозвучало куда больше, чем дружеское касание плеча. И меня затошнило еще сильнее.

- Дотронься лучше до Кира. Он вообще не в себе.

- До него не хочу, - просто ответил Сашка. - И он справится гораздо быстрее, если я не буду участвовать.

Я кивнул:

- Ты прав. И я тоже так справлюсь быстрее. Я не хочу с тобой больше общаться.

- Как скажешь, - Саша поднялся и направился к машине. - Поехали домой.

Зарисовка «О шизофрении»

«Шизофрения - полиморфное психическое расстройство или группа психических расстройств, связанное с распадом процессов мышления и эмоциональных реакций. Шизофренические расстройства в целом отличаются характерными фундаментальными расстройствами мышления и восприятия, а также неадекватным или сниженным аффектом».

Общество с таким ужасом, с таким сочувствием относится к сумасшедшим... Но ведь жизнь-то и без того абсолютно бессмысленна. Почему мы жалеем тех, кто обрел какой-то смысл внутри себя? Пусть даже со стороны это и выглядит некрасиво, но если мир внутри них лучше мира снаружи, то почему бы не погрузиться в него?

Через несколько дней я полностью пришел в себя. По крайней мере внешне выглядел совершенно спокойным. Даже написал главу к одной из «замороженных» историй. Очень много фотографировал и, наконец-то, начал получать удовольствие от этого. Зарегистрировался на сайтах для профессиональных фотографов, часами разглядывал их снимки, читал советы. Новое увлечение всасывало меня с необычайной быстротой.

Отношения с отцом тоже вернулись в свое русло, то есть опять стали никакими. Я по-прежнему любил своих родителей, хотя теперь их любовь ко мне и воспринимал иначе. По-прежнему много читал и писал свои зарисовки.

Конечно, не встречаться с Сашкой хотя бы изредка было невозможно. Но мы просто здоровались, пожимали друг другу руки и шли мимо. Мать и баба Дуся пару раз переспросили, не поссорились ли мы. Но нет, ничего такого между нами не произошло. Разве сами не видите - у каждого из нас все в порядке!

Правда, к выходным волнение все же нарастало. Я понимал, что мы оба наверняка окажемся в нашей общей компании. В пятницу или субботу все соберутся или у кого-то дома, или на речке,

о чем всех оповестят «сарафанным радио» раз по десять каждого. Но я не позволил себе слишком сильно беспокоиться на этот счет. Уж если я в свое время пережил компанию Светы, когда еще взгляда от нее не мог оторвать, то уж с Сашкой точно как-нибудь уживемся.

В пятницу я сам зашел за Машей, чего раньше не делал, и мы вместе отправились на речку к остальным. Погода была прохладной, и я надел на девушку свою ветровку. Думаю, в этот день мы и начали официально встречаться.

Сашка уже был там и вызвался сгонять до магазина в компании двух девчонок и Игоря. Мы поприветствовали друг друга, как обычно.

Я только сейчас задумался над вопросом, почему он всегда находится в окружении девчонок. Это такой способ конспирации, или он попросту не отталкивает их? Но приглядевшись внимательнее, я пришел к выводу, что он вообще никого не выделяет. Может шептаться с Таней, а потом, если его кто-то из парней зовет поиграть в футбол или купаться, тут же откликается. Никого не выделяет. Вообще никого. В голове прозвучали его слова «До него не хочу» - это он ответил на предложение дотронуться до Кира. До него он не хочет. А со мной по-другому? И что вообще значит это «дотронуться»? Коснуться руки? Обнять? Поцеловать? Я сделал три больших глотка, чтобы быстрее растворить эту мысль.

Маша ушла помогать девчонкам с шашлыками, а мне вообще не хотелось шевелиться. Синяки почти прошли и уже не болели. Даже резь из правого бока канула в небытие. Но я пока еще имел право играть роль инвалида. Присмотрелся к Кириллу и отметил, что тот заметно преобразился с нашей последней встречи. Он снова громко шутил и иногда крепко прижимал за талию Аленку. Она визжала каждый раз, потому что он явно не рассчитывал силу своей лапищи. В целом, он выглядел точно так же, как раньше. Я был рад за него.

Ко мне подседа Света:

- Привет, лежебока!

- Привет, солнце, - я ей искренне улыбнулся.

- Вы случайно с Санькой своим не поругались?

- Не-е-ет. С чего ты взяла?

- Да не знаю. Просто в прошлый раз вы вместе пришли и как-то постоянно рядом крутились. А сегодня показалось, что каждый сам по себе. Хорошо, что я ошиблась.

- Почему хорошо? - я продолжал улыбаться ей, но настроение заметно портилось.

- Он совсем какой-то ненормальный! В хорошем смысле. Мне кажется, тебе всегда нужен был именно такой друг. Так что тебе очень повезло!

И когда она успела с ним так близко познакомиться? Хотя да, он же никого не выделяет. Поэтому если Света подошла и начала разговаривать, он поддержал ее в этом с привычным радушием.

- Повезло? Он уедет через два месяца, и на том дружбе конец, - ответил я.

- А-а. Ну тогда тебе стоит извлечь из этих двух месяцев максимум пользы! Считать, что тебе не повезло с таким другом только потому, что он потом уедет, глупо! Вообще неизвестно, что

будет через целых два месяца! - да она сама ненормальная. В хорошем смысле.

Света помахала подходившей Маше, а сама убежала к другим. Маша скуксилась - она до сих пор немного ревновала, хотя и не имела права говорить об этом вслух. Я прижал ее к себе и целовал до тех пор, пока мы оба не забыли об остальном мире. Сегодня парни притащили стереосистему, а значит, когда все достигнуто достаточной кондиции, будут танцы. Девчонки танцы очень любили. И даже я, вообще не сторонник бессмысленных телодвижений, находил это дело занимательным - если вот так, рядом с речкой, на природе, в шумной толпе своих хороших знакомых.

Сашка тоже много пил сегодня. Даже и не знаю, как понял это, ведь вообще старался на него не смотреть. Но зато я упустил из вида гораздо более важный момент - Кир тоже как следует наедался. Увидев его с Аленкой и тем успокоившись, я попросту перестал обращать на него внимание.

Но услышав его крик в стороне от толпы, сразу вскочил на ноги, как будто подсознательно ждал чего-то подобного.

- Отвали от меня, педрило ебаное! Гребаный педик!

Перед ним стоял Сашка, и ситуация не требовала лишних пояснений. Раньше меня к точке конфликта подбежала Света. Она встала между ними и что-то пыталась сказать Киру, но Сашка оттолкнул ее мягко в сторону одной рукой. Задвинул, как шторку.

- Ты чего несешь, бухарик? - Андрей хлопнул Кира по плечу. С другой стороны подошел Игорь.

К тому моменту я уже стоял рядом с Сашкой и не знал, что предпринять. Вот так Кир решил свою внутреннюю дилемму. Все, что не смог принять, превратил в ненависть. Ярость, за которую он мог уцепиться, чтобы отползти от грани безумия.

- Правду несешь, - ответил приятелю Кир. - А вы что, не знали, что наш новый старый друг - пидорасик? Самый настоящий.

Андрей нервно хохотнул.

- Хватит гнать уже! Кирюх, я тебя щас сам переубью, если ты не перестанешь нести эту бадягу!

Повезло, что оглушительная музыка не давала остальной толпе обратить внимание на происходящее. Участниками сцены оказалось всего семь человек - Маша тоже подбежала к нам.

- Да нет, он говорит правду, - вдруг ответил Сашка. А я выдохнул судорожное: «Заче-е-ем?...»

Андрей переменялся в лице и, бубня что-то нечленораздельное, просто кинулся на него. Сашка пропустил кулак мимо, а потом ударил сам. Андрей откатился на несколько шагов, свалился на колени и прижал к лицу ладони, из-под которых заструилась кровь. Похоже, нос он ему сломал основательно. Теперь драки было не избежать. А мне даже некогда было решить, на чьей я стороне.

Света снова кинулась вперед, и только это заставило Кира затормозить. А Игорь использовал заминку, чтобы схватить друга за плечо:

- Эй, братан, не кипятись!

За их спинами ревел Андрей, но в драку больше не кидался.

- Кир, успокойся, - добавил я. - Пойдем, поговорим? Вдвоем.

Он перекинул звереющий взгляд на меня.

- Никит, а ты тоже... с ним? И кто кому отсасывает?

- Думай, что мелешь! - закричала Маша. Она боялась бросаться между нами, как это делала глупая Света, но тоже не выдержала. - Я вообще-то тут!

Конечно, все без труда догадывались, чем мы с ней занимаемся ночами. Кир не был такой мразью, чтобы свою злость перенаправить и на девушек, он кивнул Маше, словно извиняясь за сказанное. Да и я просто под руку попался. Искренне он ненавидел только одного человека во вселенной. Игорь снова вмешался:

- Мы сейчас уйдем отсюда. Понятно, Кир, ясно тебе? Андрюхе помощь нужна. И мы пойдем! Потому что твоему другу нужна помощь! А вопрос с педиком будем решать в другой раз, по трезвянке! Ясно?! - ему, наконец, удалось сосредоточить внимание Кира на себе.

- Нет, я уйду. А вы делайте что хотите, - сказал Сашка и сразу пошел мимо Кира и поднимающегося на ноги Андрея.

Мне вообще никто из них не сказал ни слова. Игорь уводил двух своих друзей, попутно что-то объясняя. Я знал, что в этой теме не бывает третьей стороны - ты или пидор, или против пидоров. И сейчас я для них стал пидором, хотя в моей ориентации никто из них не сомневался.

Маша висела у меня на руке. А Света, до сих пор еще бледная от страха, сказала:

- Никит, иди за ним. Сейчас ему нужен друг. Если ты не пойдешь, то пойду я!

И даже Маша отпустила меня, впервые согласившись с той, которую привыкла считать своей соперницей.

И я, конечно, пошел.

Глава 7

Догнал Сашку через несколько минут. Он шел медленно, а услышав позади шаги, остановился и дождался меня. Потом мы молча потопали рядом.

- Зачем ты им сказал? - решил я все-таки начать. - Кир был бухой, парни не поверили бы, не скажи ты сам. Мог бы просто отмолчаться.

- И унижить Кирилла еще сильнее? Он и без того с моим существованием смириться не может! Сейчас, когда у него появились товарищи-гомофобы, ему, может, даже полегче станет.

Говорил Сашка непривычно нервно. Я обдумывал его ответ, а он продолжил:

- А вот ты-то зачем полез? Да еще и с двумя своими бабами?!

Я не стал придираться к слову «бабы» только потому, что он слишком сильно злился. Как никогда - за все время нашего знакомства.

- Если бы я не полез со своими «бабами», то тебя бы сейчас там пиздили всей толпой.

- Всей толпой? Вряд ли. Игорь бы не позволил. Максимум, Андрей с Кириллом. И я еще бы посмотрел, как они меня пиздят.

- Не факт.

- Кириллу надо было выпустить пар! А ты со своей визгливой свитой ему такой возможности не дал. Теперь проблем будет еще больше, увидишь.

Мы уже почти подошли к его дому и остановились друг напротив друга.

- Так ты бесишься из-за того, что проблем будет больше?

Он опустил голову и долго соображал. Теперь было похоже, что он больше расстроен, чем зол.

- Никит, зачем ты вмешался? Зачем сейчас вообще со мной говоришь? Мы же больше не друзья. Твое вмешательство... это было действительно не в тему. Я и не думал, что ты подбежишь.

- А-а, ну конечно! Если мы больше не друзья, то я могу посидеть в стороне?

- Именно так.

- А может, ты не будешь указывать, что мне делать?

Он снова посмотрел на меня прямо.

- Ты вообще представляешь, во что сегодня ввязался? - он сказал это уже совсем спокойно. - Девчонкам они, конечно, ничего не сделают. Но ты теперь враг номер два.

- И что?

- Я не собирался тебя впутывать.

И вдруг я отчетливо осознал причину его злости. Я был причиной, а не Андрей или даже Кир, которые всю эту кашу заварили. Поэтому я тоже постарался говорить спокойнее:

- Послушай, Саш. Я не девочка тебе, и сам могу за себя постоять. И я не буду спрашивать твоего разрешения, что мне делать, а что нет. Просто прими, как данность.

- Что именно принять?

Я уже улыбался.

- Что мы возобновляем нашу дружбу. По крайней мере до тех пор, пока все не урегулируется. Я бабе Дусе обещал за тобой приглядеть.

- А-а, бабе Дусе? А она мне телохранителя поувесистее найти не могла?

- Последний твой телохранитель поувесистее в тебя влюбился и слетел с катушек! - я хотел

примером Кира разбавить атмосферу, рассмешить его, но когда это прозвучало, уловил двусмысленность сказанного. Ведь мы же с ним и общаться-то перестали из-за того, что я... тоже немного слетел.

Кажется, Сашка заметил, как я осекся, но комментировать не стал.

- Никит, я не хочу с тобой общаться. Все в порядке. И с Кириллом я сам разрулю.

- Теперь ты не хочешь? - удивленно переспросил я, выделив «ты». - С чего вдруг?

И еще до того, как он ответил, я понял. Я понял это еще тогда, на карьерах, просто не позволял этой мысли оформиться. А он шагнул чуть ближе, чтобы в ночной полутьме я видел его глаза:

- Ты мне нравишься. Очень сильно, - после короткой паузы добавил: - Я бы тебе сказал больше, но тебе и этой инфы с лихвой хватит. И теперь слушай внимательно. Я не буду с тобой общаться, не буду искать встреч и возможностей. Но если ты сам ко мне придешь, я посчитаю, что это шаг с твоей стороны ко мне. Понятно? Я не шучу. Если придешь по любому поводу! Потому что только этого я и жду.

- Это нечестно, - очень тихо сказал я, пытаюсь переварить услышанное.

- Знаю. Но ты меня загнал в угол. Между нами вообще все сразу было сложно, Никит. Поэтому простых решений не будет.

Он развернулся и зашагал в сторону дома, а я застыл на месте. «Между нами вообще все сразу было сложно» - я никак не мог поймать за хвост смысл этой фразы. Мне казалось, что, наоборот, все было легко, пока я впервые не почувствовал к нему... это. Вот только потом все усложнилось. Для меня. А когда это стало сложным для Сашки?

- Здравствуйте, баба Дуся! Спит еще?

- Да, спит. Ты заходи к нему, мой дорогой, буди уже. Полночи гуляете, а потом дрыхнете до обеда...

Я влетел в его комнату и закрыл за собой дверь с грохотом. Он, недовольно морщась, продирает глаза. Я постарался не заикливаться на виде его растрепанных волос.

- Чего приперся? - поинтересовался сосед.

Я уверенно пододвинул стул к кровати и уселся.

- Простые решения есть. И срать я хотел на твои условия. Заткнись! - я остановил его реплику.

- Например, вот тебе простое решение - пока все не урегулируется, я буду на твоей стороне. Если мы будем попадать, то оба. И, если уж на то пошло, я тут - твой единственный шанс на какие-то разговоры. Если ты останешься один, то тебя просто заклюют. Все. Я уже примерно представляю, что происходит. В ближайшие два дня все уже будет в курсе, Кир просто так не успокоится, Андрей тоже не спустит на тормозах. Светка, возможно, попытается утихомирить хотя бы девчонок, но с парнями этот номер не пройдет.

- Никит...

- Заткнись, я сказал. Я слишком мало спал и слишком много думал!

- О чем? - все же удалось вставить ему. И это немного сбило с мысли.

- В смысле, о чем? Я же тебе объясняю.

- То есть обо всем остальном ты не думал?

Я ему не позволю упираться в эту тему! Я не знаю, что там между нами, но это точно подождет. Поэтому вопрос я проигнорировал.

- Мы можем свалить на несколько дней. За это время основная истерия немного утихнет, это точно. Например, в город.

- Чего?! - он рассмеялся.

- Или в поход. На Дальние озера! Почему нет-то? Отдохнем несколько дней, поживем дикарями.

- То есть ты со мной?

- А что тут странного? Я вообще уже несколько лет не был на Дальних. Тут рыбалка совсем не такая... Да, видимо, я спал слишком мало, - пришлось потрясти головой, приводя мысли в порядок.

- Слушай, а ты эту мысль запомни, Никит. Я только за. Но сначала я решу все вопросы тут. Сваливать... да это вообще тупо. За три дня Кирилл не утихомирится.

- Ладно. Вариант Б: я переговорю с Киром сначала сам. Один на один.

- Неа. Хочешь отхватить моих пиздюлей, жадина? - он как будто вообще не воспринимал всерьез текущую ситуацию.

- Саш!

- Никита, я уже все решил. Так что ты зря не спал.

- Что решил? - я опешил.

- Я уже ночью позвонил Кириллу, мы договорились сегодня встретиться. Проясним вопрос для начала с теми, кто вчера присутствовал. А остальные пусть уж решают сами за себя. Но... после того, как ты предложил дикарями на Дальние, мне уже совсем наплевать, что там нарешают остальные, - он откровенно смеялся надо мной.

- Я сегодня с тобой пойду.

- Знаю.

Я встал, чтобы уйти. Но возле двери остановился.

- И это... Саш, не воспринимай это, как шаг к тебе. Просто в данной ситуации...

Он только прищурился с непонятной иронией.

Кирилл, Игорь и Андрей уже ждали нас на мосту. У последнего на носу белел сложенный слоями бинт, сверху профессионально приклеенный пластырем. Очевидно, что накладывали всю эту красотень в травмпункте, значит, речь шла не о легком испуге. Я бы на месте Андрея попрिдержал бы нос пока подальше от нашего разговора.

Общее настроение было озвучено Кириллом, который начал еще до того, как мы остановились перед ними:

- Никитос сегодня без всех своих бывших? Да неужели?

Я не ответил, и тогда он обратился к Сашке:

- Короче, расклад такой - ты просто сваливаешь из поселка, и тогда твоя рожа не пострадает. Тебе ж ее беречь надо, а то мужики любить перестанут, - он старался говорить ровным голосом, но нервозность сдержать никак не мог.

В этот момент я и злился на него, и жалел. Он на самом деле всегда был хорошим парнем, просто теперь не смог справиться. А вот в Сашином тоне нервозности не было:

- Короче, я свалю из поселка. В конце августа.

- Да ты вообще охреневший, сука, - Андрей сплюнул сквозь зубы.

Но Кирилл шагнул вперед первым:

- Сегодня! Или я тебя буду херачить каждый раз, когда увижу.

Более рассудительный Игорь вмешался:

- Ты все равно свалишь. Не глупый же ты, педик? Понимаешь, что тебе теперь тут жизни не дадут, - и сразу повернулся ко мне: - Ты вообще куда вляпываешься, парень? Твой небесный дружочек все равно укатит - сегодня, завтра или послезавтра. А ты тут останешься! Я понимаю, что ты за друга впрягаешься. Но ты заодно и оценивай - за кого ты впрягаешься. Мнение нормальных мужиков тоже учитывай.

- На хую я вертел ваше мнение, - ответил я.

Игорь бы мне уже врезал, если бы не Кирилл, рванувший на Сашку. Меня для Кира не существовало. Для него вообще в мире никого, кроме Сашки, не существовало. Он схватил парня за ворот рубашки, но тот оторвал его руку от себя с треском ткани. Я шагнул наперерез Игорю, не давая приблизиться. Он с силой толкнул меня плечом, но остановился. Андрей в драку тоже не лез. Кириллу надо выпустить пар, может быть, так и есть. Остальных Сашка раздражал, но не до такой степени, чтобы захлебываться злостью.

- Пидорас! Ебучий пидорас, - Кирилл толкнул Сашку в грудь, вынудив на шаг отступить. - Ты думаешь, я позволю тебе жить в моем поселке? Ебанный говномес! Педик!

- Ты уже или бей, или отсоси мне, - ответил Сашка, провоцируя еще сильнее.

- Да я тебе...

И тут раздался голос из-за спины Андрея:

- Это я щас че-т не понял... У вас пидорасы, что ли, завелись? Как мандавошки?

Мы устремили взгляды на двоих подошедших, которых, конечно, раньше заметить не было возможности. Оба были знакомы. А один - тот самый, что говорил - очень-очень знакомый. Он был моим ровесником, потому я с ним встречался часто во время школьных боев за звание лучшего учебного заведения Новой Засопки. Шиздюлей мы прохватывали друг от друга не раз, ну и, если кратко, отношения между нами оставались далеко не самыми дружескими.

- Съебались отсюда. Оба! - Игорь оповестил округу интонацией раненого медведя.

- Чего это нам съебываться? - продолжал говнюк. - Мы такого шоу давно не видали. Ну и что, кто кого ебет? - он сразу же обратился ко мне.

Игорь ответил за меня, на этот раз чуть тише:

- Исчезни с глаз. Я по-хорошему прошу.

- А че так? - похоже, у парня до сих пор инстинкт самосохранения не работает. Эх, плохо я его в свое время этому ремеслу обучил. - Постоим тут, посмотрим, как вы пидорасов мочите, поможем даже.

И тут Игорь взревел:

- Это наши пидорасы! А своих пидорасов мы будем пидорасить сами! И ни одному пидорасу из тридцать шестой наших пидорасов мы пидорасить не позволим!

В гробовой тишине раздался оглушительный хохот Андрея. Он сложился пополам, не в силах твердо стоять на ногах. Даже Сашка, опустив голову, беззвучно смеялся.

А Игорь уже шагнул к этим двум долбоебам, но до тех наконец-то дошел смысл его первоначальной вежливой просьбы, поэтому они поспешили раствориться за горизонтом. Игорь уже возвращался, тоже начиная ржать.

Атмосфера практически мгновенно сошла на нет. Продолжал хмуриться только Кирилл. Но Андрей его остановил:

- Не сейчас, Кирюх. Пусть пацан посидит, подумает. Если не свалит, успеем мы ему рожу начистить. Сейчас сюда куча малолеток из тридцать шестой по зову этих двоих налетит. Да ну их нах.

Он хлопнул друга по плечу и пошел мимо нас. Игорь пожал плечами и последовал за ним. Кирилл продолжал смотреть на Сашку исподлобья.

- Я с тобой не закончил, мразь, - наконец, выдавил он.

- В любое время, мразь, - ответил Сашка.

- Кир, - попытался я начать. - Ты...

- Отъебись, Никит, просто отъебись, - его голос вдруг стал очень уставшим. - Вы оба и без того огребете проблем.

И он тоже пошел в сторону ждавших его друзей. Продолжая смотреть ему вслед, я сказал:

- Огребем.

И Сашка подтвердил:

- Огребем.

- Слушай, ну он же взрослый мужик. Неужели не понимает, что это детский сад?

- Понимает. Поэтому и ушел сейчас. И не знает, как иначе.

Глава 8

Зарисовка «О неформальных правилах»

Общество само создает правила игры - традиции, обычаи, массовые психологические установки, устоявшиеся стереотипы поведения. Если вы спросите любого об отношении, например, к инцесту, то каждый, как один, ответит, что это отвратительно. Но если бы человек вырос в другой среде, допустим, в Древнем Риме, где к этой теме относились гораздо спокойнее, то его мнение было бы иным. Но ведь люди все разные, и они просто не могут мыслить так синхронно? Откуда же появляются неформальные нормы, которые охватывают почти всех без исключения? Предположим, в нашем поселке появляется человек, который не вписывается в общепринятый стереотип. И он первый такой, поэтому общей реакции еще не сформировалось. Если сначала узнать мнение каждого отдельного члена группы, то выяснится, что взгляды расходятся: одному станет противно, другому интересно, третий еще не определился, а четвертому и дела нет до чужих забот. Но по прошествии какого-то времени мнения придут к общему знаменателю. И происходит это потому, что каждый член группы стремится снизить издержки взаимодействия с остальными. Тот, кому интересно, вдруг понимает, что интересно ему не до такой степени, чтобы ссориться из-за этого со старым другом. Неопределившемуся помогут определиться чужие мнения. А тот, кому дела нет, снова отмахнется - мол, как скажете, только отстаньте. В итоге приживается то правило, которое изначально поддерживало большинство, или, еще вероятнее, которое поддерживают самые сильные члены группы. А дальше уже обозначается траектория развития, которой следуют остальные. К счастью, не всегда эта траектория приводит к силовому принуждению, гноблению всех несогласных и физическому устранению «ненормальности», но и такое - не редкость. Объективно, логичный процесс, способствующий устойчивости группы. Субъективно, по моим собственным ощущениям, признак неумения рефлексировать с разных точек зрения, что в простонародье и называется «быдлом». Быдло, объединенное общей идеей, лучше себя чувствует. У него от этого иммунитет укрепляется.

В следующие несколько дней ситуация постепенно стабилизировалась. Я, не говоря об этом Сашке, сам пошел к Игорю. Тот хмурился и даже не пожал протянутую руку:

- Чего тебе?

- Просто отстаньте от него. Отстаньте. Вам делать больше нечего? Нет, я понимаю, если б мы были подростками, которым только повод дай...

- Да пошел он. И ты вместе с ним. Мне лично вообще перпендикулярно, кто там из вас кого шпилит. Но и на рожи ваши я смотреть не собираюсь. Поэтому живите, ребята, любите друг

друга, пока смерть не разлучит. Я его трогать не буду, если он в нашей компании появляться не станет. Ну а ты... Тебе этого дружка еще лет десять вспоминать будут.

- В курсе.

С Андреем состоялся почти аналогичный разговор. Хотя нет - тот был даже чуть более приветлив. Негатив на Сашку, конечно, излил... Но создалось ощущение, что у Андрея к моему соседу сложилось стойкое уважение, которое он ни разу открыто не продемонстрировал, конечно. Но в паре фраз сожаления типа «С чего такие-то мужики курвятся?» это почти отчетливо звучало.

К Киру я не пошел. Бесплезно или сделаю еще хуже. У его ненависти была другая природа. Таким образом, без ведома Сашки, я узнал, что наше сообщество приведено в состояние холодной войны - по крайней мере специально открытые конфликты никто провоцировать не будет, кроме самого Кира. Но это только при условии, что мы не станем мельтешить у них перед глазами. Постепенно и этот негатив можно свести на нет. Если уж Андрей с Игорем почти остыли, то остальные тем более слишком пылить не станут. Сначала холодная неприязнь, потом какие-то совместные дела - все же тут соседи или коллеги по работе, и, глядишь, через пару лет никто и не вспомнит о Сашкиной ориентации. Ну, самое большее, подкалывать будут по-пьяни. Другое дело, что нет этих двух лет или сколько там потребуется. А есть только неполных два месяца, за которые ничего нельзя изменить, да и вряд ли в этом есть нужда.

О своем новом статусе в нашей компании я тоже размышлял. Я отдавал себе отчет во всех последствиях, но, пристально разобравшись в себе, решил, что в данном случае у меня нет выбора. Не потому, что считал Сашку другом. Нет. А потому, что все остальные были неправы. Потому что нельзя ненавидеть человека только за то, что он от тебя отличается. Я не простил бы себя, окажись я на стороне неправых.

Всю неделю мы провели вне шумных сборищ. Я уже хорошо мог водить «Тойоту», еще разок сгоняли на карьеры. Пару ночей я провел у Маши, которая мне и сообщила: «Никита, все уже знают. Ты в пятницу приходи на речку к нам, но один. Тебя тоже обсуждают, но если ты придешь - все быстро устаканится. Они забудут, простят тебе...». Я именно в этот момент и понял, почему никак не могу влюбиться в Машу.

Мои эмоции по отношению к Сашке теперь легко контролировались. Я продолжал смотреть на него, когда он этого не замечал, но теперь это напряжение не выливалось в истерики. Он на меня не напирал и даже не поднимал ни разу эту тему, пока дело не дошло до самой безбашенной и азартной игры на свете...

Баба Дуся очень любила играть в лото. Да-да, игра такая - «Русское лото» - для тех, кому за двести. Уж не знаю, чем ее привлекало это занятие и как она посадила внука, но я нередко составлял им компанию в убийстве времени. В очередной раз выиграв, баба Дуся заявила, что ей пора стряпать оладушки и, довольная, убежала на кухню.

- Продолжим? - спросил Сашка, растрясая деревянные бочонки в мешке.

- Шутишь? Веселее заняться макраме, наверное. Или, мать ее, икебаной.

- Это невесело, потому что интереса нет.

- На деньги? - я снова уселся за стол и протянул руку к карточкам.

- Давай на деньги, - он задумался. - Хотя нет. Давай чего-нибудь поинтереснее придумаем.
- Например? - я уже раскладывал нам по две новые карточки с цифрами.
- На желание, например.
- И что, будем бегать голышом по двору и кукарекать? - поинтересовался я.
- То есть если я проиграю, то мне нужно будет сделать это?
- Ага, - ответил я. - Твоей репутации теперь только этого не хватает... Моей, кстати, тоже.
- Тогда что?
- Ну, не знаю. У самого какие версии?
- Играем до полного закрытия двух карточек. Если проиграю я, то отдам тебе свою «Тойоту».

У меня аж челюсть отвисла. Но в его улыбке мерещилась надежда, что он шутит.

- Хуясе... А я тогда тебе что? Левую почку?
- Если проиграешь ты, то останешься тут ночевать. Со мной. В моей комнате.

На фоне того, что до сих пор он вообще никак не намекал на... это был взрыв. Какое предполагается «ночевать», эквивалентное машине, я боялся даже мысленно произнести.

- Ты гонишь... - однако теперь я уже не думал, что он шутит.
- Нет. Играем?

И он сразу начал вытаскивать бочонки и называть номера. А я, поддавшись импульсу, стал закрывать в своих карточках нужные. В течение игры мы не произнесли ни слова, помимо обусловленных правилами.

Выиграл я.

Он со смехом бросил передо мной на стол ключи от машины, а сам пошел на зов бабы Дуси - ей требовалась какая-то помощь.

Я сидел и смотрел на ключи. Потом на карточки, цифры на которых были закрыты красными пластмассовыми кружочками. Долго смотрел. Потом перевел взгляд на его карточки. Там всего три цифры оставались свободными - 13, 30 и 72. Я отодвинул один из своих красных кружочков и убедился, что цифра 13 в игре выпадала. Конечно, нашел в скинутых бочонках и остальные. Он зачем-то проиграл. В этой игре легко проиграть, если хочешь.

Я взял ключи и сжал их в кулаке, пытаюсь понять, что он конкретно сделал. Во-первых, Сашка знает меня достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что я замечу подлог. Во-вторых, даже если бы я выиграл честно, я бы его машину не взял. А в такой ситуации - уж точно. То есть потерей дорогой тачки он не сильно рисковал... В-третьих, раз я выиграл, пусть и нечестно, то выполнять его желание не обязан. Если бы я проиграл, то... даже не знаю, что бы я делал, но тогда правда бы была на его стороне. А именно - давление на меня, как проигравшего. Причем давил бы я на себя сам. Кроме того он сейчас понимает, что до всего этого я уже допер. Это у него такой способ показать, что у меня есть выбор? Я сейчас мог бы проявить благородство,

подойти и признать свое поражение. И я этого не сделаю - думаю, он вряд ли всерьез на это надеется. Нет, тут еще глубже. Он понял, что я не выбираю, вообще не думаю об этом... Он заставил меня задуматься о выборе.

- Фу, блядь, - высказал я вслух свое отношение к одному из вариантов этого выбора.

Встал и пошел на кухню. Молча отдал ему ключи, а на вопросительный взгляд ответил:

- Ты же знал, что я ее не возьму, придурок.

Баба Дуся цыкнула на меня и грозно велела садиться за стол. Настроение у Сашки почему-то было приподнятым.

После чаепития мы решили поехать на карьеры. На этот раз ни один из нас не спешил раздеваться - я разулся, закатал штанины и бродил по воде, а Сашка просто стоял на берегу. И, как в наших краях бывает часто, небо внезапно затянулось темной пеленой, роняя первые прохладные капли. Когда добежали до машины, ливень уже хлестал вовсю. Я завалился на заднее сиденье, и в ту же дверь за мной направился Сашка с криком:

- Двигайся!

Он, перевалившись через водительское сиденье, нажал на кнопку, чтобы все окна закрылись. Такой дождь обычно длится недолго, но и без того отвратительную дорогу успеет размывать основательно. После ливня, скорее всего, снова выглянет палящее солнце, и ему потребуется часа три, чтобы подсушить землю. То, что мы застряли тут на все это время, никого из нас особо не беспокоило - нам не было нужды спешить. Хотя сейчас я пожалел, что не добежал до своего переднего сиденья. Меня близость немного смущала, но акцентировать на этом внимание я был не намерен.

А он и вовсе не напрягался - открыл термос с чаем, всученный нам бабой Дусей, налил себе в крышку, выпил, потом снова налил и протянул мне.

- Так что, толпа в выходные на речке собирается? - вдруг спросил он.

- Угу, - ответил, закручивая крышку обратно. - Если дождя не будет.

- Пойдем туда?

Я уставился на него. Он облокотился на дверцу, а правую ногу поджал под себя.

- Сбрэндил? У меня для тебя сенсационное известие! Ты у нас пидорас. Я - твой друг, что означает, что я тоже пидорас. Тут никакая Маша мою харю от кромсания не спасет, если мы явимся, когда все поддадут.

- Как хочешь, - он пожал плечами. - А я пойду.

- Зачем?!

- Даже не знаю. Позлить их, наверное.

- Глупо!

- Понимаешь, если я прячусь, то за каждого выбор сделает Кирилл. А когда я тут, рядом стою,

то волей-неволей приходится выбор делать самому - в морду бить, игнорить или общаться, как раньше. Они не ожидают меня там увидеть, оторопеют, разъединятся. И только в этом случае получают возможность не идти на поводу у Кирилловой глупой ярости. Я из тех, кто разрешает людям выбирать.

Эта тема мне напомнила о другом:

- Как ты мне разрешил выбирать с помощью этого своего лото?

Вместо ответа он улыбнулся. Но мне было интересно выяснить детали:

- Расскажи-ка, чего конкретно ты добивался?

- Никит, я не хочу на тебя давить... Но... и бесконечно сомневаться ты тоже не сможешь.

Я обдумал смысл этой фразы и переспросил:

- Разве похоже, что я сомневаюсь?

- Разве нет? - он подался всем телом по направлению ко мне. - Разве ты уже все для себя решил?

- А может, ты просто не хочешь принять мое решение? - я играл по его правилам.

- Может быть. Но тогда помоги мне - озвучь его.

Мы давно с ним вообще не касались этой темы, сознательно избегая ее. И вот тут она нас и настигла, в машине, в двадцати сантиметрах друг от друга.

Я тоже развернулся к нему, не желая быть заподозренным в трусости, чтобы смотреть прямо в глаза.

- Ладно... - начал я, хотя это было трудно. - Я не могу сказать, что меня совсем ничего не беспокоит. Но больше склоняюсь к тому, что мне это не нужно. Когда ты уедешь, я вообще перестану об этом думать.

- Но я еще долго буду тут. Рядом. Каждый день. Ты сам на это пошел.

Я тщательно выбирал ответ:

- И хорошо, что так. Это как испытание... квест в игре. Если сейчас сверну не туда, то провалю всю миссию.

- Но хочется свернуть именно не туда? - уточнил он.

Я напрягся. Стало даже как-то холодно - от нервозности или еще непросохшей одежды.

- Нет. Я вообще не могу даже представить, что смог бы пойти... ну на все, понимаешь?

- Понимаю, - он зачем-то приблизился еще на пару сантиметров. - А зачем идти на все? Думаешь, что я тебя заставлю делать то, чего ты не захочешь? В твоей игре, если вступил в нее, то уже обязан пройти всю миссию до конца без права выхода, что ли?

Я грандиозным усилием воли заставлял себя не отпрянуть, не выскочить из машины под

дождь.

- Я... не знаю.

- Тогда давай просто попробуем?

- Что? - а вот это уже паника. Я дышал неровно, рвано, я боялся и хотел узнать, что он имеет в виду.

- Никит, один этап. Закрой глаза. Доверься.

Я, наоборот, распахнул их еще шире, но дышать перестал.

Он усмехнулся, приближаясь еще ближе. У него глаза очень светлые, как зимнее небо, но, вынырнув из них, я невольно перевел взгляд на его губы. Тут же отвернулся, уставившись в лобовое стекло, за которым ничего не было видно.

Он левой рукой коснулся моего лица и медленно заставил снова повернуться к нему, а потом продвинул ладонь на затылок, пропуская сквозь пальцы мои волосы, надавил, приближая к себе. Я мог бы откинуть эту руку, мог бы ударить его. Но я этого не сделал.

- Закрой глаза и выйди из игры, когда захочешь, - прошептал он уже так близко, что я ощутил теплый воздух его дыхания. И на этот раз я выполнил просьбу.

Он коснулся моих губ мягко, чуть прижимаясь, но я ответил. Почти сразу, хотя сам от себя этого не ожидал. Когда у тебя закрыты глаза, ты не можешь делить мир на правильное и неправильное. Я растворился в этой легкой ласке, очень медленной, слишком ненавязчивой, чтобы пугать. И возможно, я первый немного усилил темп, а он как будто этого и ждал, тут же принимая подачу. Еще сильнее надавил на мой затылок, проникая языком в мой рот. Я даже не вздрогнул, я принял, я ответил. Ладонь сама легла на его шею, чтобы и я мог контролировать откат волны. И теперь я уже сам напирал, а потом отвечал на его напор. Никакого анализа, никакой самодиагностики... Просто волна, которую нужно поймать, чтобы перейти на следующую.

Дыхание сбилось, тело двинулось вперед, чтобы усилить и без того растущее напряжение... И тут Сашка отстранился, а потом прижал свой лоб к моему. Я открыл глаза, но дернуться назад мне не дала его рука, до сих пор твердо лежавшая на затылке.

- Никит...

Я молчал, успокаивая дыхание. Мне захотелось скинуть его руку, чтобы получить свою свободу обратно.

- Никит, - повторил он так же тихо. - Сейчас не копайся в себе. Не оценивай.

- Отпусти, - выдавил я.

Он тут же убрал руку и отвалился назад, снова упершись спиной в дверцу.

- Дождь закончился, - немного нервно сказал я и вышел из машины.

Сашка присоединился ко мне на берегу только минут через двадцать. Сейчас вынужденное пребывание тут, с ним, казалось очень неуместным. Солнце, как и ожидалось, уже проклюнулось сквозь тучи и разгоняло их в стороны лучами.

- Не грузись, - сказал Сашка после длительного молчания.

Наверное, я просто не мог последовать его совету. Не то чтобы я занимался сейчас тщательным самокопанием, нет. Просто в голове царствовала мутная каша. Белиберда из бессловесных ощущений и паники.

- Никит, - снова начал он, встав передо мной. - Все уляжется само собой, не насилуй себе мозг пустым давлением.

Я смог посмотреть на него. Волосы у Сашки совсем высохли и теперь представляли собой не слишком хаотичный, но беспорядок. Я снова взглянул на себя, смотрящего на него. И увидел, что сейчас мне одновременно стыдно и спокойно, мне нравятся его глаза, волосы и губы, даже когда они вот так плотно сжаты. Мне до зуда неуютно от его присутствия, но мне нравится, как я на него смотрю.

- Не грузись я, - попытался улыбнуться.

- Вижу. Так что, мы до сих пор друзья?

Я задумался или оторопел от новой панической волны:

- Вряд ли.

- О, а ты же прихватил фотик? - его интонация внезапно изменилась. - Пойдем пофотографируем! Я там уток видел. Зум мощный?

И он, не дожидаясь ответа, пошел к машине, чтобы принести фотоаппарат. Я встряхнул головой, а потом повернулся, чтобы посмотреть ему в спину. Но когда он обернется, моего взгляда там уже не будет. Кажется, по-настоящему «сложно» наступало только теперь.

Зарисовка «О любви»

У любви есть, как минимум, три стадии: влюбленность, страсть и непосредственно само Ее Величество. Любовь - как спокойное ощущение внутренней гармонии - проявляется со временем, когда предыдущие этапы уже пройдены. Любовь - это то, что останется от чувства, когда с него слетит последняя эмоциональная шелуха. Когда говорят, что любовь живет всего три года, то, думаю, узко понимают как раз только эти этапы чувственной насыщенности. Вот только они и не вечны, они, по сравнению с настоящей любовью, излишне пафосны, излишне агрессивны. Им, а не настоящей любви, поэты посвящают стихи, они движут умами. Тот, кто пережил влюбленность, а тем более страсть, точно знает, как сильно меняются эмоции под их воздействием. Насколько мощный это наркотик. Он подавляет даже базовые инстинкты: человек может терять аппетит, сон, покой, меняются типичные реакции и характер - то есть, по всем признакам, это скорее психологический недуг, так необдуманно воспетый. Страсть не дает мыслить свободно, но при этом порождает эйфорию, как психотропный препарат, введенный в организм извне. Но парадокс заключается в том, что, даже понимая весь этот механизм, сопротивляться ему невозможно. Чем ты ближе к предмету страсти, тем тебе лучше. Приблизившись, хочется приблизиться еще. Вообще никаких вариантов. Одно направление. И это движение не заканчивается даже когда физические тела соприкасаются, нет, ты хочешь идти дальше, полностью слиться, хотя это невозможно. Секс - это просто форма обозначения конечной точки такого движения, максимально приближенная к полному растворению.

Глава 9

Естественно, что я пошел в пятничный вечер с Сашкой на речку. Наше появление было ознаменовано удивленным молчанием - тут он был прав. Если он хотел их удивить, то удивил.

- Привет всем! - оповестил Сашка и тех, кто случайно не заметил его присутствие. А потом просто пошел и сел на один из больших камней, потягивая свое пиво из бутылки.

Парни, стоявшие неподалеку, просто отошли подальше. Думаю, все ждали реакцию буйной Кирилловой троицы, и только поэтому конфликт не начинали. Я стоял неподалеку, высматривая Машу и попутно наблюдая за реакцией общественности на возмутительный факт нашего явления. К Сашке подбежала Света и, как ни в чем не бывало, уселась рядом. За ней подтянулась еще пара девчонок, которые немного наиграно, но продолжали весело обсуждать что-то свое. Светино место в компании было незыблемо, с ее помощью можно было бы тут же составить мощную оппозицию всем остальным. Но Сашка вдруг встал, отошел от девчонок и направился к центру компании, сосредоточившейся около костра.

Я понимал, почему он это делает. Раз уж пришел бесить, то беси в полную силу. И не отсиживайся рядом с дружелюбными девчонками. Внезапно раздался голос Данилы, который ненадолго вышел из своего обычного забвения:

- О, Санька, здорово, - он протянул ему руку, потом зевнул и снова вырубился, уронив голову на колени.

Данила из нас был самым старшим и самым семейным. Его жена год назад родила двойню. В компании он появлялся нечасто, никогда не пил - он приходил сюда отсыпаться. Если тут ему было спокойнее, то я боюсь представить, что творится в его счастливом доме. Предполагаю, он просто не в курсе того, что Сашку теперь положено игнорировать. А может, ему вообще от хронического недосыпания сложно разбираться в таких тонких материях, как общественное порицание.

Но удивительным стало другое. После его приветствия сразу несколько человек поздоровались с Сашкой. Как будто до сих пор ждали команды. Девчонки - очень приветливо, парни - немного скованно. И на этот раз никто не решился отойти. Все это со стороны выглядело поразительно. Ему протянули пластмассовый стаканчик с водкой, и уже минут через десять сконцентрировался кружок, из которого звучал сначала немного натянутый, но потом вполне искренний смех. Десять минут! И уже нашлись те, кто принял его! Я оставался в стороне, продолжая всматриваться в остальную толпу. Кто-то недовольно перешептывался и демонстративно сплевывал на землю, но не было похоже, что они прямо сейчас кинутся выяснять отношения с Сашкой. Нигде не было видно ни Маши, ни Кирилла, ни двоих его ближайших друзей. Я уж было решил, что как раз сегодня они не появятся, как вдруг рядом раздался голос Игоря:

- А твой дружок совсем отшибленный... - это было сказано скорее задумчиво, чем с агрессией. Я повернулся к подошедшим. У Андрея на носу до сих пор белел пластырь, а Кирилл, хмурясь, смотрел в направлении костра.

Игорь продолжил:

- Я думал, мы договорились. Какого хера вы тут забыли? - и до сих пор без злости.

- Если вам не нравится, - сказал я, - то можете сваливать.

Андрей не дал ответить Игорю:

- Заебал меня уже этот кипиш, честное слово! Ненавижу пидоров, но... я на его месте бы не пришел. Да никто на его месте бы не пришел! Если он не мужик, тогда я и не знаю, кто вообще мужик, - и сказав это, он сделал самое невероятное, что я даже вообразить себе не смог - пошел к костру и уселся рядом с ними, прикрикнув на одного из парней: - А мне водяры?!

Игоря, судя по лицу, это потрясло не так сильно, как меня - вероятно, он знал друга гораздо лучше. Он просто прокомментировал:

- Да и хер с вами обоими. Гондурас этот все равно потом уедет в свою Москву, после этого про него никто и не вспомнит. Делайте что хотите! Я только одного понять не могу - чего к нему девки так липнут? Теперь-то чего? - и не дождавшись ответа, обратился к Киру: - Угомонись уже, Кирюх. Мы ж не пацаны, из-за такой падали разборки устраивать и выходные себе портить.

И увел друга к одной из отделившихся компаний. Я в этот момент и понял, что Сашка победил. Его не станут обожать и принимать, как раньше, все подряд. Всегда найдется тот, кто сплюнет и отойдет. Но свое незначительное и еще шаткое место он отвоевал честно. Даже Кир, похоже, просто смирился.

Наконец-то нашел взглядом Машу. Она сидела совсем далеко, разговаривая с одной из своих подруг. Я понял, что она видела все, что происходит, и решила для себя, что не хочет оказаться по нашу сторону баррикад, как и большинство в компании. И я не был расстроен, потому что не ждал от нее преданности. Она имела на это право. Я несколько месяцев морочил ей голову, иногда пропадая на недели, использовал ее, даже не пытаюсь изобразить хоть какую-то серьезность. Я не злился, но кажется, именно тогда я пришел к выводу, что мы больше не встречаемся.

Безупречно тот вечер пройти и не мог. Мы уже сидели небольшим кружком и хохотали над очередной Светкиной историей о двоюродных братьях, когда к нам подошел шатающийся Женька.

- Эй, педрила, - понятно, к кому он обратился. - Расскажи-ка мне - ты сверху или снизу?

Сашка отцепил от себя руку одной из девчонок и встал.

- А ты с какой целью интересуешься? Так фантазировать проще?

Женька шагнул вперед:

- Я тебя щас переебу.

- Это я тебя щас переебу, - снова вмешалась Света. - Гитарой.

- Гитару не трогать! А то я тут всех переебу, - снова подал голос Данила и опять уснул.

- Захлопнись, Женька. Не порти вечер. Светланка, пой! - заявил уже сильно пьяный Андрюха. - Вон ту помнишь, про флейту?

Сашка посмотрел на Свету почти с ненавистью. Она в ответ просто пожала плечами. Его уже не в первый раз злило ее вмешательство, но он просто не знал Свету так, как остальные - ее бесполезно просить, и требовать бесполезно. Она будет делать что захочет! И он даже не

видел, насколько они с ней в этом похожи.

В целом, можно сказать, что первый выход в свет после камин-аута удался. От идеального далеко, очень далеко, но гораздо лучше, чем я мог ожидать.

Зарисовка «О любви на расстоянии»

Вот не верю я в любовь на расстоянии, хоть ножом режьте! Конечно, если разлука кратковременная, вам за девяносто и ни на одного из вас больше никто не смотрит - тогда да. Телефоны, соцсети, скайп - это, конечно, упрощает общение. Точнее, продлевает агонию. Я знаю, что есть много таких, кто и в разлуке думает только о своей второй половине - не изменяет, не смотрит на других, начинает избегать шумных компаний, чтобы не поддаваться соблазну. Он приносит жертву. А как известно, жертва всегда требует ответных жертв. Чем сильнее он мучается, тем большего будет ждать от своей любви в дальнейшем. И не факт, что она оправдывает его ожидания.

Боже, как он верещал! И ведь сам сказал мне сворачивать на поле! Луг, заросший невысокой травой, довольно ровный, испещренный чуть заросшими следами от шин. Здесь ездили нечасто, в основном, направляясь к лесу - за грибами или ягодами. Я водил уже достаточно уверенно, чтобы не спорить с наставником в выборе маршрута. Вот только странный дребезжащий «пззызь» с моей стороны стал полной неожиданностью.

Сашка вылетел из машины сразу, как только я затормозил. И его лицо с неподдельным ужасом надо было видеть! Я тоже вышел, чтобы оценить весь трагизм ситуации.

Ага, зацепил пенек, который заметил заранее и пытался объехать. Достаточно высокий, чтобы он мог разнести всю бочину со стороны водителя. Пригляделся к блеску черной краски. Еще пригляделся. Нашел! Вот царапина - длиной сантиметра два, с расстояния трех шагов неразличимая. А Сашка продолжал верещать:

- Родная моя! Красавица моя! Как он мог?!

Он лег на капот и попытался его обнять двумя руками. Я бы не удивился, если бы он по-настоящему разрыдался.

- Мы столько лет вместе, а этот негодяй решил убрать с дороги соперницу?!

Машине было от силы года два, «столько лет» было явным художественным преувеличением.

Он снова посмотрел на царапину и снова завалился на капот, вопрошая у неизвестных богов: «Как это произошло?! За что?!».

- Э-э, Саш... Извини, - наконец решил я прервать сей истеричный монолог, хотя было уже ясно, что стеба в этой истерике гораздо больше, чем самой истерики.

Он зыркнул на меня серыми глазищами и гаркнул:

- Не сейчас, Никит! Сейчас я тебя не люблю!

Он еще какое-то время ахал и охал, но мне внезапно стало не до смеха. От этой фразы внутри

как будто что-то сорвалось. «Сейчас я тебя не люблю». Сейчас? Сейчас не любит? Это осознанное признание, облеченное в шутку, или шутка под видом признания? После карьеров он ни разу не приблизился ко мне даже на расстояние шага...

Я ощущал, как во мне растет потребность. Подойди, положи мне руку на затылок, заставь меня тебе ответить. Лиши возможности думать. Зачем ты вообще тогда на этих карьерах... этот первый этап... Меня бесило то, что я хочу к нему приблизиться больше, чем он ко мне. Я бы мог смириться, если бы он давил, намекал, напирал, а с равнодушием - нет. Он как будто бросил меня в водоворот, а потом оставил в нем одного. Как будто сжал в кулаке, а потом забыл, что я до сих пор там и мне до сих пор больно. И снова накрыла тошнота.

- Никит, - уже серьезно и спокойно. - Ты в порядке?

Я кивнул и направился обратно в машину, но сел на пассажирское сиденье. Назад он точно поведет сам.

- Меня что-то тошнит, - честно ответил я на его пристальный взгляд.

И он даже не съязвил что-то наподобие «Незапланированная беременность?» или «В красавице блевать нельзя». А просто молча отвез домой.

- Сынок, садись, поешь! - крикнула мама из кухни.

- Попозже, мам. Я у бабы Дуси накидался, - и быстро направился в свою комнату.

Прямо в одежде завалился в постель, предварительно достав одеяло. Закутался в него, как в кокон, не обращая внимания на жару. Попытался уснуть, но мысли пробирались в черепушку, отгоняя желанную прострацию. Я ждал, когда Сашка пролезет в окно и поинтересуется, что со мной. Я боялся этого. А он все не появлялся. Я перебирал в уме все доступные способы суицида. А он не приходил. Я хотел заплакать, как маленькая девочка, заорать во всю глотку, но не позволял себе этого. Мне почти удалось уснуть, когда дверь скрипнула, и он зашел в комнату.

- Никит, ты заболел?

Я стянул одеяло на грудь и ответил спокойно:

- Ага. Диссоциативным расстройством идентичности.

- Это когда днем работаешь воспитателем в детском саду, а по ночам превращаешься в другого человека и насилуешь старушек?

- Точно. Так все делают.

- Не спорю. И с чего тебя вдруг накрыло? - он продолжал стоять в двух метрах от моей кровати.

- С тебя, - ответил я максимально честно.

Сашка улыбнулся.

- Никит... Тебе легче заболеть этим... диссоциативным расстройством, чем подойти и взять меня за руку?

- Ага.

- Или ты ждешь, когда я сам подойду к тебе?

Я поморщился, но решил не сдаваться:

- Наверное.

- Я понял, - он это сказал после короткой паузы и уже совсем серьезно. - Ты хочешь меня. Но только так, чтобы я прижал тебя к стенке, а ты поддался. Чтобы это было полностью мое решение. Так?

Не дождавшись моего ответа, он, как часто это делал, повторил с нажимом:

- Так?

- Не совсем. Я сам не знаю, чего хочу.

- Никит, если бы ты был девушкой, то я бы и вел себя иначе. Выключай уже принцессу.

Я закрылся одеялом с головой, а потом откинул его. Сел. Встал. Шагнул к нему и замер на расстоянии шага.

- Твоя мама не зайдет? - он снова улыбался.

Об этом я даже не подумал. Узнав на собственной шкуре, какой была бы реакция моих родителей, я почему-то совершенно перестал интересоваться их мнением на этот счет. Но она не зайдет. Она вообще редко посещала мою комнату, а обычно громогласно звала, если ей что-нибудь было нужно.

Решил, что отвечать вслух не требуется. Но и никак не мог себя заставить сделать последний шаг к нему. Он тоже стоял на месте, продолжая улыбаться, но как-то криво, а глаза сузились, обозначая пристальное внимание и интерес.

- Никит, давай в другой раз. Ты сейчас сам не свой.

Эта фраза и помогла мне решиться. Я приблизился, протянул руки к его шее, чтобы заставить наклонить голову. И поцеловал. Сам. И внутри, наконец-то, все улеглось.

Уже через несколько секунд он обхватил меня руками и с силой прижал. Но тело желало быть еще ближе, до боли вжаться в него. В этот раз он напирал гораздо сильнее, чем тогда, в машине. Он точно хотел этого точно не меньше, чем я. Но не собирался давить? Ждал, когда я определюсь? Я оторвался от него, он тоже открыл глаза - со зрачками чуть ли не во всю радужку.

- Саш... - я не смог закончить. Эмоции были натянуты до такого предела, что их в слова не запихнуть.

Но Сашка заговорил бегло, словно спешил. Или тем самым пытался скрыть, что ему тоже сложно дышать ровно:

- Никита, слушай. Мы сейчас, прямо сейчас соберемся и поедем в город. Туда пять часов езды, там останемся... где-нибудь в гостинице. Вернемся завтра.

- Нет. Нет! Я не хочу... Не готов.

- А я тебе и не предлагаю ничего, к чему ты не готов. Успокойся уже! Нам обоим нужно сменить обстановку и все. Никакого алкоголя. Чтобы ты не смог потом все списать на алкоголь, - он тихо рассмеялся, так и не выпуская меня из рук.

Он на самом деле ни на что не надеется, или говорит так только для того, чтобы я перестал напрягаться?

- Зачем тебе это, если ты знаешь, что ничего не будет?

Он приподнял бровь.

- Почему же ничего? Будет то, к чему ты готов. К поцелуям ты уж точно готов.

- И не больше! - я решил на берегу обозначить свою позицию.

- Я просто хочу узнать, храпишь ли ты во сне.

- Ну да. Ты так часто будил меня посреди ночи, что вряд ли этот секрет еще не раскрыт.

Он не отреагировал на шутку:

- Я хочу, чтобы ты привык ко мне. Привязался так, чтобы я тебя отлепить не смог, даже если бы захотел. Хочу этого, как последний гребаный эгоист. Поэтому, будь уверен, я не сделаю ни одного неверного шага.

И я согласился.

Глава 10

Поездка заняла у нас все шесть часов. В машине мы скользких тем не касались, поэтому я очень быстро отвлекся, углубившись в обсуждение направлений современной музыки. Перекусили в придорожном кафе. Останавливались, чтобы пофотографировать впечатляющие пейзажи. Сашка, похоже, тоже никуда не спешил, потому что никак не демонстрировал нетерпение. Хотя это полностью вписывалось в его характер - я, тем не менее, был за это благодарен.

В итоге добрались до гостиницы мы уже поздним вечером. И на ресепшене не были удостоены ни одним пристальным взглядом, никаким намеком на подозрение, что мы собираемся заниматься каким-то непотребством. Нет, мы просто были двумя парнями, которые решили у них остановиться во время путешествия. Невнимательные идиоты! Да, я параноик, скупающий без преследования.

Номер был двухместным - небольшая комната, вмещавшая в себя две широких кровати, стол, платяной шкаф и телевизор. Отдельная дверь вела в совмещенный санузел. Душевая кабина впечатляла огромным количеством светящихся кнопок. День и без этой поездки выдался насыщенным, поэтому сейчас, если бы тут не было Сашки, я бы залез в душ, а потом с удовольствием растянулся бы в постели. Самого его мое присутствие, видимо, совсем не волновало, раз он даже кабиной был готов восторгаться:

- Ого, какая красотень, даже не ожидал! Кто полезет в нее первым?

Сонливость как рукой сняло. Хорошо, что я не склонен краснеть, потому что в его присутствии, наверное, постоянно щеголял бы неуместным смущением.

- Давай ты. Я пойду на балкон покурю.

Он сжал руками мои плечи и чуть наклонился, чтобы наши глаза были на одном уровне:

- Никит, успокойся. Успокойся, я тебе говорю! Мне от твоего напряжения уже выть хочется! Примешь душ и завалишься баиньки. Все! Прекрати обо всем этом думать! Никто тебя невинности лишать не собирается.

- Фу, блядь, - это была моя единственная реакция на подобные мысли.

- Сегодня.

- Что сегодня?

- Сегодня не собирается, - он захохотал и вышел из ванной, прикрыв за собой дверь.

- Фу, блядь.

После меня в душ пошел он, а я все же вышел на балкон. Вода смыла усталость и привела мысли в порядок. Теперь стало даже немного смешно от недавнего волнения. Когда Сашка вышел, растирая волосы полотенцем, я сидел на одной из кроватей, щелкая пультом. В Новой Засопке всего восемь каналов - и, как мне казалось, даже этого было в переизбытке. Тут я насчитал двадцать четыре, но прервал дальнейшее исследование, когда он зашел в комнату. Все-таки вид его мокрых волос меня доводит до оцепенения. Всегда доводил. Сашка был одет в ту же синюю футболку, а джинсы сменил на спортивные штаны. Мокрыми босыми ногами он прошлепал по ковру и завалился на ту же постель, где сидел я.

Убавив звук, я тоже откинулся на подушки, подложив руку под голову.

- Я могу задать несколько вопросов... ну... интимного содержания? - начал я, глядя в потолок.

- Мне уже даже Света задала пару таких вопросов, а ты до сих пор стесняешься, - со смехом ответил он. Сашка повернулся на бок в мою сторону, но я продолжал пялиться на люстру.

- Расскажи о... физиологии процесса, - я вспомнил тот термин, который использовал он сам, когда мы в предыдущий раз были в этом городе.

- О сексе? Анальном или оральном? - он даже не пытался скрыть веселья.

- Фу, блядь, - не удержался я.

- Так... ладно. О сексе... Короче, все не так просто, как иногда кажется. Нет, лично тебе-то кажется излишне сложно - это я уже понял. Так вот. Многие вообще не занимаются анальным сексом. Да, я не шучу. Где-то читал, что процентов двадцать пять. Есть много других способов, и никто не обязан делать что-то неприятное для себя. Хотя... если хочешь знать мое мнение, - он подождал моей реакции, но не дождался, - процесс этот офигенный для обеих сторон. Актив наслаждается контролем над ситуацией и человеком, которого хочет, пассив... ну, знаешь, там есть выход простаты...

Я не был готов углубляться в эту тему до такой степени, поэтому перебил:

- А ты кто?

Он громко рассмеялся.

- Готов стать универсалом! Прямо очень-очень готов!

- А обычно кто? Актив?

Он не отвечал, поэтому мне пришлось посмотреть на него и оценить ответ в ухмылке.

- А пассивом был? - я хотел стереть эту уверенность с его лица, но у меня не получилось.

- Да. Пару раз. С парнем, с которым встречался год.

Про его парня мне слушать не особо хотелось.

- И как?

- Я же говорю - процесс офигенный для обеих сторон. Просто... не знаю, у меня, наверное, характер... активный. И чтобы не было проблем, нужно подготовиться, обязательны презервативы, смазка и... терпение. В общем, все не так радужно, как хотелось бы, - он снова смеялся, а я вернулся к разглядыванию люстры. - И почему это я до сих пор не слышу твоей «фу-бляди»? Мне продолжать?

- Не надо, - я задумался. - Наверное, я никогда бы не согласился на роль пассива.

- Ого! То есть сверху быть ты уже готов? Можем это обсудить.

- Прекрати! - я сел. Даже и злиться было не на кого, ведь я сам завел этот разговор.

Он обхватил меня руками сзади и положил подбородок на мое плечо.

- Никит, я все никак не могу понять, кого ты боишься - меня или себя? Если меня, то не стоит. Я ничего не сделаю во вред тебе. А если себя... тут, конечно, сложнее. Но если ты чего-то хочешь или захочешь, неужели ты сам будешь действовать во вред себе? Мы можем двигаться так медленно, как тебе захочется, можем остановиться на этой стадии, можем вообще все прекратить.

- Я не знаю, как это прекратить.

- И очень надеюсь, что никогда не узнаешь. Мне бы... этого не хотелось, - его улыбка звучала в голосе.

Я решил выяснить до конца хотя бы один вопрос, поэтому развернулся лицом к нему.

- Саш, скажи честно, как ты ко мне относишься. Ты сам-то чего хочешь?

Он смотрел пристально, как всегда. Его, наверное, вообще невозможно сбить с толку.

- Ты мне понравился не сразу, не с первого взгляда. Но довольно быстро. Ты красивый, но красивых парней предостаточно. Ты просто другой. И даже не для засопкинского уровня, вообще другой. Везде. Ты поэтому и потянулся сразу ко мне, потому что из своего поселка давно вырос. Ты и из Москвы со временем вырастешь, и тогда даже не знаю... Придется ездить по миру, наверное. Чего я хочу? Всего. Хочу, чтобы мы пошли до конца. В идеале - прямо сейчас. Хочу, чтобы ты поехал со мной, и там, без глупых ухаживаний, мы сразу жили бы вместе. Хочу, чтобы ты поступил в институт, хотя бы на заочное. Хочу, чтобы ты стал

писателем, потому что только тогда ты сможешь быть счастливым. Хочу, чтобы ты много фотографировал, но желательно меня. Хочу, чтобы только из меня ты никогда не вырос. И хочу, чтобы тебя сейчас не вырвало радугой, потому что лично я к этому близок.

От такого признания я опешил. От искренности. От продуманности. Конечно, я знал и раньше, что нравлюсь ему. Нет, наверное, гораздо больше, чем нравлюсь. Но к такому бизнес-плану я подготовиться не успел.

- И ты правда думаешь, что я сорвусь в Москву? Из-за тебя?

Он уже снова укладывался на спину.

- Думаю, что если ты и сорвешься, то только из-за меня.

- Самоуверенно.

- Нет, Никит. Я просто в тебе вижу больше, чем ты сам. Я не знаю, любишь ты меня сейчас, но точно доверяешь мне сильнее, чем кому-то когда-либо. Ты пойдешь на такой шаг, как переезд, или со мной, или не пойдешь вообще.

Я не знал, что ответить. О переезде из Новой Засопки я вообще никогда всерьез не задумывался. А тем более в Москву, которая меня вообще ничем не прельщала - пустая суматоха, гонки на опережение в любой сфере и столичные понты. Ладно, допустим, мы и правда станем парой, хотя сейчас вообразить это сложно, но что будет, когда мы разбежимся? Что я буду делать в этом муравейнике, оставшись один? Продолжу быть недо-пидорасом или вернусь домой?

- Все, Никит, я спать, - вдруг заявил Сашка. - Сваливай на другую кровать. Или оставайся - целоваться будем.

Поразмыслив, я выбрал второе. Вся эта череда откровенностей немного пугала, но не убавляла желания приблизиться к нему.

Я лег рядом, а он тут же меня обнял и сжал. А потом отпустил, перекатился и навис сверху.

Он поцеловал меня легко, едва коснувшись губами, потом отстранился. Снова коснулся и снова отстранился. Пока я не выдержал и не потянулся к нему сам. Он с улыбкой попытался снова отпрянуть, но я обхватил его шею, заставляя прижаться ко мне. И тогда он навалился уже всем весом, что неожиданно оказалось до стоны приятно. И поцелуи сразу стали другими - я проник языком в его рот, он ответил и сразу контратаковал. Это был уже наш третий поцелуй, но на этот раз по другим правилам. Теперь я полностью был под его контролем, и это... многое меняло.

Он сдвинул ногу так, что теперь она упиралась мне прямо в ширинку. Я судорожно вдохнул, пытаюсь остановиться, но тело само подалось вперед, желая усилить нажим. Стало даже больно от нарастающего внизу напряжения. Саша уже целовал меня в шею, смещая одну руку вниз. Я остановил его пальцы, уже ухватившиеся за застежку молнии.

- Не надо, - выдохнул я.

Сашка перехватил мою руку и завел ее за голову. Теперь он крепко держал ее другой - той, которой упирался в постель. На полномасштабное сопротивление сил не хватало, перед глазами уже стояла пелена возбуждения и ноющей боли, которая сильно ослабла, когда он,

наконец, расстегнул мои джинсы.

- Никит, кажется, уже надо, - ответил он.

Он запустил ладонь под белье и сжал член. На секунду замер, дав мне привыкнуть к своему теплу, а потом начал двигать. Я провалился куда-то вовнутрь, пытался выбраться, возразить, но падал обратно.

- Подожди! - это мой голос? - Подожди, Саш.

Он внял и замер. Но руку оставил на том же месте, мешая сосредоточиться.

- Никит, ну хватит уже, а? Я, по-твоему, спермы никогда не видел?

Меня эта фраза немного отрезвила. Но не до такой степени, чтоб ощутить стыд.

- Нет. Саш...

- Ну что? - он снова улыбался. Этот гад вообще всегда улыбался, даже в такой ситуации!

Я никак не мог сформулировать, что хочу сказать.

- Ну... это... блин! Черт...

- Из твоего красноречивого монолога я уловил только одно: «Сашка, продолжай, делай со мной что хочешь».

- Нет. Я... Ладно. А ты как?

Он наклонился и снова поцеловал меня. А потом прошептал прямо в губы:

- Не переживай. Я на грани. Закончу потом в ванной, чтобы твою психику не травмировать, - он тихо смеялся.

Я почти полностью вернулся в себя.

- Это как-то... Давай, я тоже...

- Уверен?

Нет, уверен я точно не был. Но Сашка отпустил мою руку, которую до сих пор удерживал. И я, решившись, направил ее вниз. Сначала провел поверх штанов - и это было, мягко говоря, непривычно. Но Сашкино лицо изменилось - он как будто сжался весь, напрягся, закусил губу. И чтобы посмотреть, что будет дальше с этим непривычным для него выражением, я нырнул рукой под резинку. Сначала провел ладонью вдоль, а потом обхватил и начал двигать. Мне не стало противно, хотя именно этого и следовало ожидать, я, наоборот, входил в азарт, смотря на то, как его губа от напряжения побелела, как едва уловимо закачался локоть, которым он упирался в простынь. Через секунду он тоже начал двигать своей рукой, и я снова провалился вовнутрь. Я кончил первым, а Саше потребовалось еще пара резких движений.

Я проснулся, чувствуя тяжесть его руки на груди. Повернул голову - Сашка уже тоже не спал.

- А про оральный секс-то я тебе забыл рассказать! - весело сказал он.

- Придурок! - посмотрел в потолок, потом закрыл лицо руками. Ну, наконец-то смущение соизволило явиться. Мы оба были голыми. В процессе следующего поцелуя выяснилось, что одежда нам только мешает. А я узнал, что меня возбуждает вид его тела и особенно - ощущение под пальцами мурашек, бегущих по спине, когда я касаюсь языком его шеи. Дальше взаимной мастурбации мы, слава олимпийским богам, не зашли. Думаю, за это стоит благодарить именно Сашку, потому что я не знаю, смог бы остановить его, если бы он начал настаивать. Нет, уверен, что он хотел, просто пожалел меня, утреннего.

Домой я возвращался другим - узнавшим себя с изнанки, перевернувшем внутренний порядок. Другому мне было легко целовать Сашку или касаться его руки. Да и он теперь делал это гораздо чаще. Когда первая граница стерта, остальные уже не кажутся такими уж непреодолимыми.

Зарисовка «О Сашке»

Сашка приехал в Новую Засопку полтора месяца назад

Сашка, мой друг, мой бывший друг

Когда я писал о человеке, который не вписывается в общий стереотип, я имел в виду

У меня появилось новое увлечение - фотография

Есть только один человек, кроме меня, читавший эту тетрадь

Я меняюсь, когда он рядом

Каждому художнику нужен тот, кто разрушит границы в его сознании

Я не знаю, как буду жить... после него.

В поселок мы вернулись уже ближе к вечеру и сразу разбрелись по домам. Но на следующее утро Сашка ввалился ко мне, как это бывало всегда, когда я не вваливался к нему.

- Привет, - сказал он, прикрыв за собой дверь. - Ну что, ты как? Смирился? Или задолбаешь теперь своей рефлексией?

- Не задолбаю, - заверил я, натягивая штаны.

- Серьезно? - он подошел к кровати и уселся рядом. - Я просто тебя не узнаю.

- Я сам себя не узнаю, - ответил я, но при этом толкнул его плечом, чтобы убедить, что я не грузжусь по поводу произошедшего. Наверное, я просто устал грузиться или, как он сказал,

«смирился». - Но, Саш, кто мы теперь? Ты же знаешь, писателю нельзя путаться в терминологии!

Он выдал после непродолжительных раздумий:

- Я бы сказал - пара, но вряд ли ты оценишь мой благородный порыв... Никит, считай меня теперь кем хочешь, только не вздумай отдаляться. Я в свое время этот этап миновал благополучно и очень быстро. Но ты-то у меня особенный... Писа-а-атель, етить твою неловко.

- Посмотрим, - не знаю, на что конкретно из сказанного я предлагал посмотреть. - Надеюсь, напоказ мы ничего выставлять не будем?

Сашка прищурился:

- Я идиот, по-твоему? Тебя отец избил, даже когда еще не за что было бить... Да и остальные... Напоказ можно выставлять, если вообще захочешь, только при условии, что решишь потом со мной уехать.

- Да не поеду я в твою Москву! С чего ты вообще это взял? Какую работу я там найду? Держи свою крышу на месте!

- Ну, значит, и выставлять нечего! Слушай, Никит...

Его перебил мой телефон, трещавший из-под кровати. Он наклонился, чтобы достать, а потом протянул сотовый мне. Я нажал кнопку приема:

- Внимательно!

- Никитос, утречка, брательник! - Серега манеру орать так, что я его из Жирного ряда мог слышать и без телефона, унаследовал от нашей нетихой матушки.

- Привет.

- Ты что-то совсем потерялся.

- Ну...

- Ты ж в отпуске? Загляни ко мне сегодня. Мы мясо купили, матери отнесешь килограммов пять... И... Никитос, Танюхиного брата тоже захвати. Посмотрю на него.

Я перевел взгляд на Сашку, который, конечно, мог слышать каждое слово, и ответил:

- Ладно.

В Жирном ряду, само собой разумеется, вся шпана уже знала о Сашкиной ориентации. Но если до него им особого дела не было, то уж мою персону они обсосали до косточек, уверен. Мы не боялись нарваться на кого-то из них - шансы были минимальные. Я вообще сомневаюсь, что пидорасы из тридцать шестой способны выползти на дневное солнце, не рискуя быть спаленными заживо. Но даже если бы и нарвались, то нас это не особо тревожило. Было даже немного жаль, что мы добрались до пятиэтажек без приключений.

Сереге было почти тридцать. Его жена с детьми ушла к подруге, как объяснил нам брат, пригласив войти в квартиру.

- Садитесь, садитесь, пацаны. Чаю? Кофе? Коньячку?

Мы отказались от всего, а Сашка с интересом рассматривал моего брата. Я вспомнил, как он расспрашивал о нем.

- Как Танюха поживает? - Серега обратился сразу к нему.

Сашка неопределенно повел плечами:

- Нормально поживает. Замуж вышла. Ребенка ждет.

- Такая же красавица, как раньше?

- Мне сложно судить, - усмехнулся тот.

- Краса-а-авица! - ответил сам себе Серега. - Такие всегда красавицами остаются. Ну... рад за нее. Вы сильно похожи внешне, - он констатировал очевидное.

- А вы с Никитой нет, - зачем-то сделал вывод Сашка.

- Так я сразу говорил, что он у нас подкидыш! - разразился смехом брат. - Сильно умный уродился! Не иначе, подменили в роддоме!

Он посмеялся собственной шутке, а потом вдруг сник:

- Я поговорить с вами хотел... - мы оба ждали, когда он начнет. - Мать рассказала мне о твоей шуточке, якобы ты гей, и как в бубен от отца прохватил... Ну это ладно. И потом я, значит, узнаю от парней, что ты, - он посмотрел на Сашку, - гей всамнатуральнейший. И это вопрос времени, когда сплетни дойдут до родаков... Я это к чему - мне, в принципе, насрать там на все эти ориентации, своих забот по горло. Но, Никитос... что за хрень?

- Да нет никакой хрени. Никита просто под раздачу попал, заодно со мной, - вмешался Сашка.

Серега продолжал смотреть на меня:

- Это так? Ты, брат, не по мальчикам?

Я чуть не ответил: «А если бы и так?» - так же, как с отцом - посмотреть на его реакцию. Мне почему-то казалось, что брат до такого, как мои родители, не опустится, хотя наверняка я знать не мог. Но мне помешал наш недавний разговор с Сашкой о том, что если я собираюсь оставаться тут, то и незачем портить себе жизнь информацией, которая никого не касается.

- Нет, Серега, я по девочкам.

- Ну и славно. Девочки... они девочки и есть, чего уж там, - брат снова растянулся в улыбке. - Знаешь, а я почти уже убедил себя в этом! Ну, что вы вместе, - он расхохотался.

- С чего вдруг? - спросил Сашка.

И брат снова посерьезнел, глубоко задумавшись.

- Не знаю, Саш, не знаю. Как будто на вас могла перекинуться наша с Танюхой... Прикинь, какая чушь? Знаешь, она всегда для меня будет... как икона, как статуя Будды. Я Наташку

свою люблю очень! И детей люблю. Но... кажется, живу только потому, что где-то там живет Танюха.

Глава 11

За несколько дней до окончания моего отпуска мы все-таки решили поехать на Дальние озера, при этом не будучи уверенными, что Сашкина «Тойота» туда способна добраться. Лучшей из моих идей была угнать УАЗик Кирилла, но напарник отчего-то со мной на такое преступление идти не решился. Но нам обоим очень хотелось провести несколько дней наедине. Наверное, это был решающий фактор.

- Опять застряли! Красавица моя, держись! - верещал Сашка тем же тоном, к которому прибегал каждый раз, когда дело касалось машины.

Мне пришлось снова вылезти, найти камень, подставить его под переднее колесо, и потом толкать автомобиль, под завязку загруженный картошкой, тушенкой, палаткой, лодкой, теплыми вещами и прочими «нужностями». До озер мы добирались почти сутки, и, может быть, оба втайне надеялись, что на обратной дороге застрянем безнадежно. Начался август, а значит, наступал период затяжных дождей, а в этом случае дорогу размочит до состояния невменяемости. И тогда мы сможем с легким сердцем остаться там еще на какое-то время, пользуясь этим как оправданием - для начальника на заводе, для родителей и для себя самих.

Мы остановились на ближайшем озере - оно и было самым пригодным для жизни и рыбалки. Вокруг за сотню километров ни души, что создавало ощущение, будто мы переместились в другой мир. Полной отстраненности от старого мешал только Сашкин телефон, который ловил и в этой глуши.

Вечерами мы сидели у костра, а поднимались на заре, чтобы порыбачить, потом снова отсыпались и после обеда шли купаться. Я совсем перестал стесняться появляться перед Сашкой голышом. Возможно, даже наоборот - испытывал странное волнение, ловя на себе его взгляды. Я был влюблен... а это исключает многие барьеры.

Конечно, мы почти постоянно дарили друг другу ласку. Я готов был отказаться от еды и сна, лишь бы не прерывать наши поцелуи, перемежая нежность со страстью. В те дни я и представить не мог, что это когда-нибудь может наскучить. Но бывало и такое, что мы останавливались до полной разрядки, просто утихнув в объятиях. И такие моменты по своей долгосрочной значимости казались даже более важными.

Бывало, мы ссорились. Речь все равно иногда заходила об его отъезде, и тут, даже без лишних слов, у обоих портилось настроение. Сашка никогда не позволял раздражению проявляться слишком открыто, но что-то даже во взгляде его менялось. Но чем больше я думал о переезде в Москву, тем больше убеждался в нелепости этой идеи. Он предлагал решение для каждой практической проблемы, а в реальной жизни практические проблемы не менее важны, чем чувства. Но во всех его решениях звучало примерно следующее: я буду сидеть у него на шее, пока не поступлю в институт; если мне будет угодно, то я могу потом найти подработку, но это сильно помешает учебе; до получения диплома я хорошей работы не найду, и лучше было бы потратить это время на писательство и прокачку английского... и так далее, и тому подобное. Нужно ли уточнять, что для меня это было неприемлемо? Эта канитель затянется, минимум, на несколько лет, и все это время я буду от него зависить. Смогу ли я потом отделить реальные чувства к нему от благодарности?

В итоге сошлись на том, что я останусь в Новой Засопке, но поступлю на заочное в один из

столичных вузов. Филологический факультет - вполне приемлемое решение, учитывая, что конкурс там значительно ниже, чем на журналистике. Заодно решили, что после возвращения в поселок узнаем, не поздно ли подать заявление уже в этом году. Я считал этот вариант единственно возможным, но Сашке он совсем не нравился. Конечно, этот выбор предполагал, что видеться с ним мы будем раза два в год. На его возражения я отвечал, что он и сам мог бы переехать. Вряд ли наш поселок чрезмерно нуждается в архитекторах, но инженером на завод его возьмут точно. Даже зарплату будут платить раза в два выше моей... и раз в пять меньше его. Но этот негодяй мое чувство юмора никак не мог оценить, а только сильнее хмурился.

Мы никогда не признавались в любви прямо. В те дни, на озерах, мы любили друг друга бесконечно, до такой степени, что даже произносить это слово вслух казалось упрощением. Для меня это было не состояние, а процесс, в отличие от счастья. Вот счастье обозначить очень просто - это кратковременный миг полного эмоционального наполнения, а в любви можно смутно отслеживать ее зарождение и невозможно прогнозировать развитие в будущем. На Дальних озерах мы были счастливы.

Конечно, Сашка хотел большего и в вопросе наших уже совсем интимных отношений, но никогда об этом не говорил. Он наблюдал, как я зрею, и просто не вмешивался в эту эволюцию. Хотя в последний вечер он все-таки закинул меня без предупреждения на новый этап.

Мы плавали, когда начался дождь, и я попытался вылететь из воды на берег, но Сашка успел меня перехватить. Сам он обожал купаться во время дождя и все время пытался доказать, что сложно вообразить себе лучшее удовольствие. Но мне это не нравилось - я терялся от смешивания ощущений. Вода в озере становится как парное молоко, особенно если дождь хлещет ливнем. Тебе хочется раствориться в ней, распуститься, как масло, растечься до берегов. Поэтому ты погружаешься, а потом снова выныриваешь и теряешься от избытка воды. До головокружения. До дискомфорта. Но на этот раз Сашка обхватил меня, не давая ни погрязнуть в своих ощущениях, ни уйти от них.

И тут же, зная, насколько мне неудобно от этого мерцающего недоощущения собственного тела, сразу начал целовать, дезориентируя еще сильнее. Почти погружая в обморок. И я не выдержал и сорвался в удовольствие и неопределенность, вообще перестав мыслить. И он не позволял мне отстраняться очень долго, пока я полностью не утратил связь со временем и пространством.

Обнаружил себя уже на берегу, шатающегося и задыхающегося, едва приходящего в себя. Смеющийся Сашка толкнул меня к палатке, где я с удовольствием и растянулся на надувном матрасе, до сих пор ленив думая, наслаждаясь остатками эмбриональной неги. Он тут же плюхнулся рядом, такой же мокрый, шаря руками по всему моему телу. Но я был настолько расслаблен, что даже не концентрировался на собственном возбуждении, и уж, тем более, не реагировал ответными действиями. Только почти неслышный стон, когда его язык касался соска, живота - и я не среагировал, когда следующее касание почувствовал и ниже. Я выгнулся уже ему в рот, только сейчас попутно понимая, что он делает. Что я делаю. И снова не смог зацепиться хоть за одну мысль, чтобы выбраться на поверхность из ямы... из воды, когда идет дождь. Погружение, уверенные прикосновения языка и снова яма. Я кончил слишком быстро, даже не успев отметить ту самую точку срыва, которую всегда ощущаешь перед оглушением.

А думать смог начать только через несколько минут. Совсем не вникая в то, что не имею понятия, попала ли сперма ему в рот, и если да - противно ли ему... противно ли мне.

Сашка уже лежал рядом, ожидая, когда я наконец-то смогу открыть глаза. А дождавшись, сказал:

- Если ты сейчас скажешь свое «Фу, блядь!» - я тебя ударю. Обещаю.

Но я не сказал вообще ничего, повернулся и уткнулся носом в его шею.

Основательно пожалел я об этой поездке, только когда мы вернулись в поселок. Теперь, после этих дней, было очень сложно просто выйти из машины и сказать: «Пока». Почти невозможно поздороваться с родителями, рассказать, как прошел отдых, уйти к себе и попытаться уснуть. Тошнотворно общаться с другими людьми, которым каждый раз приходится что-то объяснять на понятном им языке. Немыслимо перестать ожидать его мимолетного касания или не иметь возможности коснуться его.

Следующие три дня напоминали похмелье.

Я вышел на работу, там отвлечься получалось чуть лучше. По вечерам мы, конечно, встречались с Сашкой: играли с бабой Дусей в лото, вместе ужинали у нее или у нас, жадно прикипали друг к другу, едва оставшись наедине. Уверен, если бы родители были ко мне более внимательны, они бы тут же все поняли. И я благодарил судьбу за то, что они просто не хотели допускать такой мысли. В ближайшие выходные мы планировали снова присоединиться к нашей компании на речке.

Идя с очередной смены, я заметил, что Сашка закрывает за собой калитку и уже улыбается мне, отвечая на мою улыбку ему, несмотря на то, что нас еще разделяло внушительное расстояние. Он направился навстречу, а я, наоборот, остановился, желая продлить этот момент, подарить нашей прогулке домой еще пару минут. Внимание привлек затарахтевший бобик, который просто стоял посередине дороги. Машина Кира.

Кир.

- Стой, Сашка, назад!

Еще до того, как взревел двигатель, я уже точно знал, что будет дальше. Сашка успел только повернуться к быстро приближающемуся автомобилю, а потом - хлопок, и его тело мешком отлетает в сторону.

Дальнейшее помню смутно. Я мысленно давал себе команды и исполнял их, как робот.

Подойти. Вызвать скорую и ментов. Не слушать крики матери и не смотреть на упавшую на четвереньки бабу Дусю. Не обращать внимания на Кирилла, который, выйдя из машины, просто осел на землю. Не верить. Отвечать на вопросы. Не вставать. Я знал жертву и нападавшего? Да, знал. У преступника были мотивы? Были. Какие? Не говорить им всей правды, чтобы не увидеть брезгливой усмешки. Личная неприязнь. Пить воду. Отвечать на телефонные звонки. Звонить. Снова объяснять. Смыть с руки кровь. Спать. Не плакать. Никогда не плакать. Жить.

Зарисовка «О точке отсчета»

Меня на эти размышления подтолкнул вопрос журналиста: «А у вас был момент, когда вы

точно поняли, что станете писателем?». Я ему ответил: «Да. Это случилось летом, мне тогда было девятнадцать».

Думаю, что такой момент бывает практически у каждого, просто мало кто может так точно зафиксировать время. Но в моем случае все было просто. Я и до того лета был художником, не умеющим рисовать, но так бы им и остался, если бы не пережил все те события. Ту встречу. Чтобы сломать все границы, необходимо пережить свое «пятнадцатое августа».

Вчера мне исполнилось двадцать шесть, и голова немного гудела от выпитого. А Светка уже задолбала названивать. Она переехала в Москву года через два после меня, быстро освоилась, что неудивительно для ее характера, но спутника жизни так и не встретила. Хотя ей тоже двадцать шесть, всего двадцать шесть - еще слишком рано начинать дарить ей кошек. Теперь она уже была моим литературным агентом, хотя из своего журнала так и не уволилась. В любом случае названивать сегодня у нее было абсолютное право. Чтобы в сотый раз повторить, что я обязан заехать в издательство лично.

С усмешкой вспомнил, как это же издательство никак не хотело принимать мою первую рукопись. Как они нещадно правили любую мелочь, все же решившись ее взять. Как я скандалил по поводу каждого вырезанного куска, как будто эти куски они собирались вырезать из меня самого. Как книга месяцами простаивала на полках в книжных, потерянная в море других изданий. Как впервые обо мне упомянул какой-то критик, как мое имя все чаще стало мелькать на форумах, как меня начали приглашать на интервью. Как я получил внимание сразу от нескольких именитых рецензентов, которые разнесли мой труд в пух и прах. Это и вызвало максимальный скачок популярности. Моя первая книга была о юном художнике, мир которого перевернулся от одной встречи.

- Никит, где эти... как их... документы? - Сашка иногда до сих пор путался в словах. Ненадолго забывал, что хотел сказать. Но случалось это теперь так редко, что и обращать внимания уже не стоило. В первые пару лет было гораздо сложнее. И мне стыдно вспоминать то время, потому что тогда я был слабым, пока он оставался сильным.

Кирилла освободили год назад, и эта новость не нашла во мне никакого отклика. Он изменился сам и изменил меня тогда, пятнадцатого августа. Это именно Кир заставил меня заглянуть в пропасть. Именно Кир выломал из меня все вторичное и сделал все сложное простым. После его поступка я уже ни разу не задумывался о мелочах. Когда Сашку на следующий день перевозили в областную больницу, мне даже и в голову бы не пришло выйти из машины. Прилетевшие первым же рейсом родственники вообще практически не задавали мне вопросов, будто я там и должен быть, не отходящий от входа в реанимацию сутками. А когда врач сказал, что Сашка вышел из комы, я так паршиво, так некрасиво разрыдался... прямо там, в коридоре. И конечно, когда Танюха с огромным животом подошла и сказала: «Самолет через четыре часа, будь готов» - не воспринял это как вопрос, особенно учитывая то, что в первые дни Сашка только меня и узнавал. В Москве, едва разместив его в больнице, отец мне просто отдал ключи от квартиры сына и без дополнительных комментариев уехал, ему нужно было решать другие проблемы. Со мной никто не возился. Я, к своему удивлению, практически сразу устроился грузчиком в ближайший супермаркет - денег платили немного, но мне много и не требовалось. Я не помню стрессов, связанных с жизнью в столице, непривычными правилами, отсутствием знакомств. У меня просто не оставалось душевных сил уделять этому внимание, потому я не привыкал к столице, а она, пользуясь моей невнимательностью к себе, просто привыкала ко мне. Все свое свободное время я проводил в больнице. Очень длительная и мучительная реабилитация после черепно-мозговой. Я много раз срывался и терял надежду, даже иногда при нем, отчего мне теперь особенно стыдно. Но через восемь месяцев Сашку

отпустили домой. А потом все сразу стало хорошо. Еще через год он вернулся на работу, а я поступил на заочку. Мать, конечно, знала, что мы живем вместе и почему мы живем вместе. Отец не задавал вопросов - наверное, для того, чтобы не узнать.

- Да на кресле валяются, где ты их и бросил, когда пришел, - буркнул я в ответ.

Он обнял меня со спины, а потом потерся носом о мою шею.

- Света звонила, просила напомнить...

Я перебил:

- Пойдем-ка, я тебе расскажу про пестики и тычинки.

- Про пестики и пестики?

- Или тычинки и тычинки?

- Да не-е. Точно пестики!

- Вдумайся в этимологию слова «тычинка»! Вот послушай - «убери от меня свою тычинку!» Звучит?

- «Доставай пестик» - тоже неплохо звучит!

- Этот вопрос требует немедленного научного исследования, как я погляжу.

- Припадочный писатель! Ты еще диссертацию запили на эту тему... Или хотя бы зарисовку.

Конец